

ВСЮ
ЖИЗНЬ ЗА СИНЕЙ
ПТИЦЕЙ **НИКОЛАЙ**

ОЗЕРОВ

ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

Николай Озеров

Всю жизнь за синей птицей

«ИП Князев»

1995, 2017

УДК 796.07
ББК 75

Озеров Н. Н.

Всю жизнь за синей птицей / Н. Н. Озеров — «ИП Князев»,
1995, 2017

ISBN 978-5-93762-139-9

В сборник памяти выдающегося отечественного спортивного комментатора Николая Николаевича Озерова (1922-1997) вошла книга его мемуаров «Всю жизнь за синей птицей» и воспоминания о нем его друзей и коллег.

УДК 796.07

ББК 75

ISBN 978-5-93762-139-9

© Озеров Н. Н., 1995, 2017
© ИП Князев, 1995, 2017

Содержание

Увертюра	7
Начни сначала	10
Глава 1. Мой дом родной	12
Глава 2. Радость, слезы и любовь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Озеров

Всю жизнь за синей птицей

© Н. Н. Озеров (наследники), 2017

© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2017

* * *

Я посвящаю эту книгу родному обществу «Спартак», моим одноклубникам, всем, кто отдал ему свое сердце.

Обычно в начале книги автор всегда приносит благодарность спонсору.

Я хочу выразить благодарность хорошему человеку, другу «Спартака», другу всего Общества, так много сделавшему для всех нас.

Мы познакомились с ним совершенно случайно. И уже первое знакомство, первая улыбка, первые добрые слова сразу дали понять, что это человек, любящий спорт, понимающий трудности сегодняшнего дня в физкультурном движении, и что такой человек не подведет.

Потом было много встреч и деловых, и на трибунах стадионов, и на спортбазе в Подольске. Он первый подал идею о создании такой книги к юбилею «Спартака».

Практически Николай Венедиктович Баев сыграл основную роль в появлении этой книги. Низкий ему поклон и бесконечная признательность.

Я хочу сказать слова самой сердечной благодарности Елене Владимировне Ивановой за огромную, неоценимую помощь. Ее талант, знание дела, работоспособность, настойчивость способствовали появлению этой книги.

Скажу откровенно, мне повезло.

Елена Владимировна – мой советник по делам общества «Спартак» по всем его вопросам.

Еще при Петре Григорьевиче Болотникове она должна была стать советником, но наш председатель заболел, и эта должность была введена, только когда председателем «Спартака» стал я.

Елена Владимировна тоже в прошлом занималась спортом, была чемпионом Москвы по легкой атлетике в беге на 100 м и в прыжках в длину.

Работать с ней легко и приятно. Вот уж действительно вся ее жизнь, больше четверти века, принадлежит «Спартаку». И это она еще раз доказала, помогая мне в работе над книгой.

«Всю жизнь за синей птицей» – так назвал я свою книгу. «Синяя птица» – спектакль нашего детства, этот спектакль мы смотрим в школьные годы для того, чтобы потом на всю жизнь сохранить мечту о счастье.

Стремление к синей птице, желание найти и завладеть ею есть стремление к мировому рекорду, стремление к заветной роли, к подвигу в космосе – у каждого из нас есть своя мечта, свои планы, своя цель.

Но чудо синей птицы заключается в том, что каждый раз, когда кажется, что цель достигнута, она не дается, она улетает, но оставляет нам надежду, новую перспективу поиска. Она всегда летит вверх, и чтобы поймать ее, нужно самому подниматься от ступени к ступени в своем совершенствовании, все выше и выше.

Вы, дорогие читатели, наверняка неоднократно держали в руках синюю птицу, и она тоже ускользала от вас, как тема будущего поиска, будущего полета.

Я хочу пожелать вам, друзья по театру, по спорту, телевидению и радио, кино, эстраде, обществу «Спартак», осуществить свою мечту и все же поймать синюю птицу.

Успеха вам, счастья, радости, всего самого доброго.

Николай Озеров

Увертюра

Николай Озеров – человек-легенда, гордость России, отечественного и мирового спорта, культуры и искусства.

Спорт, театр, телевидение, радио, кино, эстрада – сфера трудовой и творческой деятельности Николая Николаевича Озерова.

Выдающийся теннисист, 45-кратный чемпион страны, победитель 170 всесоюзных и международных турниров. Его выступления на корте были ярким событием в теннисной жизни, знаменательной вехой в развитии этого вида спорта.

В 1950 году, еще продолжая активно и успешно выступать в соревнованиях, Н. Озеров стал спортивным комментатором. Голос его звучит в эфире и сейчас. Его яркие, страстные, взволнованные репортажи с семнадцати летних и зимних Олимпиад, включая Игры 1992 года, девяти чемпионатов мира по футболу, тридцати мировых хоккейных первенств и других крупнейших соревнований по различным видам спорта из 49 стран мира, завоевали сердца миллионов поклонников спорта.

Ему удалось, по существу, создать новый вид искусства – спортивный репортаж для самой массовой аудитории. Страстность, взволнованность, новаторство, подлинное творчество артиста-комментатора в пропаганде идеологии олимпийского движения – отличительные качества его многолетнего труда. Нельзя представить себе 50-80-е годы без голоса Озерова.

За высокое мастерство ведения репортажей по телевидению и радио в 1964 году ему было присвоено звание заслуженного артиста, а в 1973 году – народного артиста России.

Н. Озеров, ученик Вадима Синявского, наставник большинства сегодняшних теле- и радиоконментаторов, несмотря на большую занятость работой в возрожденном по его инициативе спортивном обществе «Спартак», продолжает творческую деятельность в эфире и сейчас.

Хочу подчеркнуть самую яркую, на мой взгляд, черту Озерова – он всегда страстно и темпераментно отдавался своему делу и в театре, и в спорте. Николай Николаевич артистичен, заразителен. Во МХАТе создал немало ярких, интересных работ. Лучшими его ролями были: мистер Туте («Домби и сын»), Хлеб («Синяя птица»), Бен Аллен и Джо («Пиквикский клуб»), Бенжамен («Школа злословия»), Фабиан («Двенадцатая ночь»).

Следует отметить, что Н. Озеров был одним из организаторов спортивно-концертной фронтовой бригады, выступавшей в годы Великой Отечественной войны в воинских частях, госпиталях, на передовой линии огня, за что был удостоен медали «За оборону Москвы». Кроме того, Н. Озеров награжден 16 государственными наградами, в том числе четырьмя орденами, многочисленными почетными знаками, дипломами, грамотами. Он – лауреат Государственной премии и премии Союза журналистов, кавалер Олимпийского ордена.

Н. Озеров – один из главных инициаторов и организаторов возрождения спортивного общества «Спартак», упраздненного в 1987 году, несмотря на протесты спортивной общественности. В настоящее время он – председатель Центрального и Российского советов международного спортивного общества «Спартак», активно проводящих в жизнь идеи олимпизма, один из инициаторов создания Национального фонда спорта России. Спартаковцы создали фонд «Николай Озеров – возрожденный «Спартак».

Много сил и времени отдает Н. Озеров общественной деятельности, выступая на заводах, фабриках, стройках, в сельских коллективах, воинских частях, учебных заведениях, детских домах и школах-интернатах различных регионов России. Только за последние три года он побывал с творческими отчетами в 150 городах Дальнего Востока, Урала и Сибири, Поволжья и Нечерноземья, где зрители восторженно приветствовали любимого артиста, спортсмена, комментатора.

*Андрей Гончаров,
профессор,
художественный руководитель
Театра им. Маяковского,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственных премий*

С Николаем Николаевичем Озеровым мы вместе учились в ГИТИСе актерскому мастерству, делили все студенческие заботы, увлекались спортом, и, конечно, мы, его товарищи, не пропускали ни одного соревнования, где выступал наш общий любимец.

Вся жизнь Н. Озерова проходит на моих глазах. Вспоминаются грозные военные годы, фронтовая бригада ГИТИСа, одним из создателей которой был Николай Озеров, первые успехи на теннисном корте будущего актера, выпускные институтские спектакли и блестяще сыгранная комедийная роль Боба Эккерса в шеридановских «Соперниках», дебют во МХАТе и, наконец, наша общая с ним работа в кинофильме «Одиннадцать надежд».

И за что бы ни брался Николай Николаевич, в каждое дело привносит он что-то свое: не только энтузиазм, энергию, неистощимую фантазию, товарищескую доброжелательность, но в спорт – творчество, в искусство – спортивный темперамент, в спортивную журналистику – актерское мастерство. Словом, он – счастливый человек: всю жизнь занимается творчеством, искусством.

*Анатолий Папанов,
народный артист СССР*

Горячий патриот советского спорта, подлинный, страстный пропагандист всех его видов, Николай Озеров снискал славу разностороннего, великолепного спортсмена – теннисиста мирового класса и глубоко эрудированного, непревзойденного спортивного комментатора. Его имя с уважением произносится по всей нашей стране и далеко за ее пределами.

*Лев Яшин,
заслуженный мастер спорта СССР,
олимпийский чемпион*

Когда в эфире раздается знакомое и, право, всегда волнующее «Внимание! Говорит и показывает Москва...», для нас это начало его работы, для него – продолжение кропотливого труда над своей ролью, которой живет он, народный артист РСФСР Николай Озеров. Он единственный актер, который вот уже более 37 лет почти ежедневно выступает перед многомиллионной аудиторией. Он и единственный среди актеров, который никогда не слышит аплодисментов этих миллионов очень благодарных ему людей.

*Борис Федосов,
спортивный обозреватель газеты «Известия»*

На протяжении многих лет Николай Озеров был чемпионом Советского Союза по теннису, непревзойденным эталоном тонкости и блеска в игре.

Своей остроумной, оригинальной игрой, строящейся на непрерывном нападении и стремлении завершить розыгрыш очка ударом с лета у сетки, Озеров опережал время, побеждал в стиле, который доминирует в наши дни в международном теннисе.

Андрей Старостин, заслуженный мастер спорта СССР

Кто из нас, людей старшего поколения, не знал знаменитого певца, солиста Большого театра Николая Озерова? Это он в 20-х годах восхищал всех нас – артистов и зрителей – своим вдохновенным искусством в партиях Германа, Садко, Фауста, Отелло, Радамеса, Хозе.

Конечно, Н. Озеров-отец мечтал о том, чтобы его дети продолжили начатый им путь в искусстве.

Старший – Юрий – ныне известный кинорежиссер, народный артист Советского Союза, лауреат Ленинской и Государственной премий, младший – Николай – окончил ГИТИС по классу профессора Станицына. В 1945 году Виктор Яковлевич привел молодого Озерова во МХАТ. Вскоре Николай Озеров успешно дебютировал в популярном спектакле «Пиквикский клуб».

За годы работы в прославленном театре Озеров сыграл свыше 20 ролей современного и классического репертуара, выступая рядом с выдающимися мастерами советского театра – Добронравовым, Яншиным, Станицыным, Тарасовой, Кторовым, Андровской, Массальским, Ливановым, Ершовым, Блинниковым и другими.

*Иван Козловский,
Герой Социалистического Труда,
народный артист СССР,
лауреат Государственной премии*

Слава Озерова общенародна. Озеров – это большое, доброе сердце, неотъемлемая достопримечательность Москвы, как ее улицы, проспекты, уклад жизни. Мы привыкли к его голосу, в нем тайный аристократизм, он всегда вдохновляет.

*Евгений Симонов,
народный артист СССР,
лауреат Государственной премии СССР*

Начни сначала

После моего 70-летнего юбилея и всевозможных поздравлений пошла полоса неудач. Весь январь я пролежал в больнице. Ну, думаю, что ж, доктор ведь велел каждый год проводить один месяц в больнице на профилактике, выражаясь языком автомобилистов, пройти ТО-2. Диабет, да и слегка подлечить два тазобедренных сустава. Словом, полный ремонт. Прележал месяц, вышел. Слетал в командировку в Симферополь и открыл международную автогонку в Набережных Челнах. Отсутствовал в Москве четыре дня. И вдруг по возвращении вечером покраснела нога (за дни командировки натер ногу и на месте мозоли образовался гнойник). Семья забила тревогу. А утром я уже был снова в больнице у тех же докторов. И, собрав небольшой консилиум, они отправили меня в хирургическое отделение.

Так я снова попал к замечательному хирургу Юрию Алексеевичу Мельниченко. Первая наша встреча была три года назад. Тогда поздно ночью «скорая помощь» отвезла меня к нему. В Курган-Тюбе, где я был в командировке, меня укусила какая-то местная тварь, да так укусила, что колено превратилось в полено. Жуткий вид! И первый вопрос, который мне задал Мельниченко: «Какую анестезию вы предпочитаете?» Я посмотрел на него и спросил: «Что, надо?» Он сказал: «Надо, Николай Николаевич, надо». Утром я проснулся уже после проведенной операции.

И вот вторая встреча с Юрием Алексеевичем Мельниченко. «Когда можно будет сделать операцию?» Я ответил:

«Когда вам будет угодно». Через двадцать минут, легко, шутя, с разговорами, он сделал мне вторую операцию.

Все шло, вроде бы, к выздоровлению. Но финиш был печальный. После одной из перевязок Мельниченко вернул меня в больницу и вынес страшный приговор. Начиналась гангрена. Нога была ампутирована. Пусть не до конца, пусть не вся, но ампутирована. Жалко? Очень. Грустно? Не то слово.

И тут началось самое страшное. Мысли, внутренние монологи о прошлом, о будущем... Как жить дальше?

На юбилейном вечере в Колонном зале Дома союзов меня попросили сказать заключительное слово, и я вспомнил, что в Москве в Театре имени Пушкина шел спектакль «Пока не остановится сердце», и я дал слово всем спартаковцам, что буду защищать интересы «Спартака», пока не остановится сердце.

Но ведь оно бьется! Значит, сдаваться рано, надо держать свое слово. Тем более что общество «Спартак» становится на ноги. Я и мои товарищи – мы довольны тем, как развиваются события в нашем Обществе.

Когда-то в нашей стране проштрафился один популярный артист и был серьезно наказан. И вот однажды он появился в Одессе на концерте Иосифа Кобзона, в очках, чтобы его не узнали, и искал себе место подальше от разных любопытных взоров. Но от Кобзона, обладающего добрым сердцем, который всегда стремится помочь человеку, оказавшемуся в беде, скрыться не удалось. И Кобзон запел: «Начни сначала...» Сейчас этот артист в полном порядке, пользуется огромным успехом у зрителей.

Но часто в бессонные ночи я слышу кобзоновскую песню «Начни сначала...». А как начать? С чего начать?

Но в это время стало приходиться такое количество писем, телеграмм, раздавались телефонные звонки от друзей, знакомых и совершенно незнакомых людей, что думать о плохом не хотелось, да и просто не было времени.

Нет, теперь уже хотелось думать о будущем, о новых задачах, стоящих перед обществом «Спартак», о новых турнирах для детворы, о соревнованиях для инвалидов, о спортивных фестивалях в Чернобыльской зоне, там, где «Спартак» нужен, там, где «Спартак» ждут.

Словом, работы – непочатый край, болеть некогда. Хотелось быстрее вернуться в строй, в «Спартак».

А сейчас хочется еще раз поблагодарить всех, кто тогда сказал такие нужные, такие важные слова поддержки и внимания, и, конечно, всех врачей, сестер, работников больницы, где я лежал.

Всем им низкий поклон и огромное спасибо!

Глава 1. Мой дом родной

Здравствуйте, люди добрые! Именно так, несколько старомодно, хочу сегодня я к Вам обратиться. Не радиослушатели, не телезрители, и даже не читатели... Бесчисленное множество раз обращался я к Вам так в своих репортажах.

И вот меняю формулировку. Почему? Да потому, что выбранное мною приветствие вечно, как вечны непреходящие истины, с упоминания о которых и хочется начать разговор. В конце концов, миром правят добро и зло. Спросите у любого человека: каких людей он встречал в своей жизни больше – добрых или злых? Подавляющее большинство ответит – добрых. Потому-то я обращаюсь к добрым людям, как это делали наши предки, с рассказом о добрых делах. Ну, а злодеи? Они тоже, к сожалению, существуют. И не только на сцене. Но о них разговор короткий. Разве что небольшой эпизод из моей спортивной биографии.

Был случай, когда меня на корте в буквальном смысле забросали камнями. Вернее, камешками. Играл я «на чужом поле», и публика так «болела» за «своего», что беспрестанно шикала, свистела... В теннисе вообще подобное не принято.

А знаете, когда зрители успокоились? Когда я прыгнул через сетку, расцеловал своего соперника и поздравил его с победой. Наступила неожиданная тишина.

Не знаю, был ли в тот миг мой жест проявлением доброты. Я убежал на реку (благо она была недалеко), чтобы меня никто не видел, не видел моих заплаканных глаз.

Болельщик, конечно, далеко не последняя фигура в спорте. И я против того, чтобы он был тихоней, выглядел таким пай-мальчиком. Но, естественно, не могу одобрить неуважительного отношения к кому-либо из соперников. В любом виде спорта, в любом городе, в любом матче.

В принципе не могу пожаловаться на невнимание или недоброжелательность зрителей.

Ну, так все-таки о добром, светлом, счастливом – о моей семье.

Вырос я в театральной семье. Мой отец, известный оперный певец, более 35 лет верой и правдой служил родному Большому театру, где сыграл все ведущие партии драматического тенора: Отелло, Хозе, Радамес, Герман, Садко, Самозванец, Рауль и многие, многие другие. Он был народным артистом республики, профессором Московской консерватории. Моя мама посвятила свою жизнь отцу и детям – мне и брату. В нашем доме часто бывали выдающиеся мастера культуры и искусства, ученые, государственные деятели. Среди них К.С. Станиславский, А.В. Нежданова, Л.С. Собинов, С. Михоэлс, Н.С. Голованов, М.И. Москвин, М.М. Тарханов, СИ. Мигай, В.И. Качалов, СМ. Козловский, СЯ. Лемешев. Свой творческий путь (уроки пения) в доме Озерова начинал народный артист СССР, могучий бас Максим Дормидонтович Михайлов; бывали биолог-генетик Кольцов, профессор Плетнев, Отто Юльевич Шмидт, нарком здравоохранения Семашко, А.В. Щусев, С. Орджоникидзе и многие другие. «Жена Орджоникидзе умерла на моих руках, – вспоминала Надежда Ивановна Озерова. – Крыленко подарил мужу ковер из убитого им медведя. Непременными гостями дома были и рязанцы, певец Александр Степанович Пирогов и Алексей Силыч Новиков-Прибой. В доме долгое время сохранялась мебель времен Екатерины, стул и стол прапрадеда, фамильные портреты из Спас-Утешенья».

Дом отца был и штаб-квартирой моего курса. И если друзья студенческих лет, воспитанники Государственного института театрального искусства имени Луначарского, до сих пор, приезжая в Москву с Украины, из Ленинграда, Литвы и Сибири, считают своим долгом зайти или позвонить, справиться о здоровье, рассказать о своих делах, значит, крепка память о том, как в трудные годы согревало их сердечное тепло нашего дома. И не удивительно, что не только тех, кто жил в общежитии, но и москвичей притягивал огонек дома на «Марксовой улице», куда можно было прийти запросто, никого не стесняя своим присутствием. Мои родители всегда были в курсе всех студенческих дел, помогали ребятам чем могли: словом, советом, вни-

манием, шуткой умели поднять настроение, помочь в беде. Мы с братом обожали своих родителей, были страстными поклонниками своего отца – прекрасного певца, большого художника, на редкость простого, доброго и обаятельного человека.

Может быть, поэтому нас с детства увлек мир искусства. Мы жили театром, дышали театром, не могли без театра. Тайком писали стихи, разучивали монологи, я писал еще и музыку.

Писать о своей семье, о себе очень трудно, потому что это будет очень субъективно. Это будет своеобразная ода, хвалебная ода, потому что я прожил в семье изумительных людей, в семье бесконечно дружной, где все друг друга любили, помогали.

Николай Николаевич Озеров, замечательный русский певец 20-30-х годов, вошел в историю советского оперного театра не только как большой мастер и художник, создавший галерею блестящих музыкальных сценических образов, но и как один из основоположников оперного искусства нашей эпохи.

Он принадлежал к тому артистическому поколению, которое весь пыл молодости и всю силу таланта посвятило русской отечественной оперной культуре.

Безупречно владевший своим лирико-драматическим тенором, глубоко познавший певческие традиции русской и итальянской вокальных школ, обучавшийся сценическому мастерству под руководством Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Ивановича Немировича-Данченко, отец всю жизнь трудился, совершенствуясь как артист и певец, и с колоссальной ответственностью относился к любому делу: будь то новая оперная партия или участие в жюри, должность директора Дома актера или обязанности председателя военно-шефской комиссии Большого театра, общественная работа в Центральном Доме работников искусств или занятия с молодыми вокалистами в Московской государственной консерватории, профессором которой он был. Его жизнь – пример целеустремленного, бескорыстного служения искусству большого художника, гражданина – может быть образцом для современной артистической молодежи.

Творческая деятельность отца продолжалась более 40 лет, из которых 27 непрерывной сценической работы прошли в стенах Большого театра. За эти годы отец создал множество интересных вокальных образов, отличавшихся разнообразием и убедительной силой. Среди так называемого тяжелого тенорового репертуара наиболее значительными партиями были: Садко, Гришка Кутерьма («Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова), Герман («Пиковая дама» Чайковского), Радамес («Аида» Верди), Хозе («Кармен» Бизе), Отелло («Отелло» Верди), Фауст («Фауст» Гуно), Рауль («Гугеноты» Мейербера), Вальтер («Мейстерзингеры» Вагнера). Бывало, что в течение одной недели отцу приходилось петь подряд в четырех спектаклях: «Сорочинской ярмарке», «Садко», «Пиковой даме», «Гугенотах». Выносливость отца удивляла его товарищей по работе.

Задача у меня очень сложная. Я должен рассказать о моем отце, бесконечно дорогим и любимым, сыгравшем в моей жизни самую главную, самую важную роль.

Есть такая старинная русская поговорка: глупый хвастает молодой женой, умный хвастает старым батюшкой. Думаю, читатель меня не осудит за то, что я с таким восхищением, восторгом говорю и буду говорить о своем отце.

Папа был очень хороший, добрый, внимательный, заботливый, ласковый, с ним было удивительно легко.

Первые впечатления детства: дом на Старой Басманной, отец – красивый, подтянутый, всегда чуточку торжественный, уезжает на спектакль в Большой театр. Возвращается радостный, возбужденный, с цветами. Мама, нежная и ласковая, с неременной сказкой перед сном бабушка. Отец был очень гостеприимным, в доме всегда много его друзей, не только из Большого театра, но и из Художественного, писатели, художники, хирурги, музыканты.

Вечер. К родителям пришли гости. Через полуоткрытую дверь видно, как отец водружает на стол старый дедовский самовар, пышноусый Новиков-Прибой шепчет что-то на ухо улы-

бающейся Неждановой. Рядом с мамой сидит дирижер Голованов. Поглаживает окладистую бороду молчаливый и суровый на вид Отто Юльевич Шмидт. Чай пьют степенно, с разговорами, не торопясь. Мы с братом Юрием (ныне известный кинорежиссер, создатель многих кинокартин и киноэпопей, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий, профессор) с нетерпением ждем самого главного: начинается домашний концерт. Василий Иванович Качалов читает стихи, Иван Михайлович Москвин – смешные рассказы, отец с Неждановой под аккомпанемент Голованова поют различные дуэты. Пел и Леонид Витальевич Собинов.

Для нас с братом отец был кумиром. Мы были самые преданные его поклонники, старались не пропускать ни одного его спектакля. В первый раз я услышал отца в опере «Садко» Римского-Корсакова, когда мне было 5 лет.

Из музыкальных воспоминаний детства есть одно, довольно конфузное. Однажды меня взяли в Большой театр на оперу «Садко». Сидели мы в артистической ложе, и мне все очень нравилось, но когда новгородцы после первой же арии Садко изгнали его, я заревел на весь театр от обиды – Садко ведь мой отец! Меня еле успокоили и долго после этого случая не пускали в театр, потому что почти во всех спектаклях отец или погибал, или сходил с ума. Когда же запрет был снят, я сделался завсегдаем Большого театра, мне симпатизировали все артисты. Самая крепкая дружба завязалась у нас с Иваном Семеновичем Козловским – он часто брал меня на руки и напевал что-то ласковое, украинское. Эту дружбу я бережно несу через всю жизнь и очень горд тем, что в моем 60-летнем юбилее принимал участие и Иван Семенович. «Конечно, теперь я тебя уже на руки не подниму, – сказал он, – но спою с удовольствием». И пел щедро, по-юношески свежо, завораживающе.

На одном из спектаклей «Садко», когда отец-Садко пел «Ой ты, темная дубравушка, дай мне дороженьку», к его ногам сверху с колосников упала огромная осветительная люстра, обдав отца облаком пыли. Публика замерла, оркестр на мгновение замолк, знаменитый дирижер Большого театра Вячеслав Иванович Сук, побледнев, опустил дирижерскую палочку. «Сквозь туман-слезу горючу я не вижу света белого», – перебирая струны гуслей, продолжал петь отец посреди сцены. Оркестр пошел за ним, а в антракте, как только опустился занавес, его окружили хор, музыканты, рабочие сцены. Целовали, обнимали, выражали свою радость по поводу счастливого исхода происшествия. Папа рассказывал, что прибежал и маэстро Вячеслав Иванович Сук: «Озеров, Вы храбрый человек! Как Вы могли петь?» – говорил он. Только после этого отец понял, что произошло, и почему все были так напуганы. И уже со следующего акта пел и все время смотрел вверх – не падает ли что-нибудь?

Вспоминаю случай, свидетелем которого был сам. Год 1936-й. В Большом театре правительственная делегация Чехословакии. Сцена – корабль с Садко в океане, и волей жребия Садко спускается на брошенную в воду доску... В это время корабль стал наклоняться то в сторону отца, то в сторону рабочих, делавших волны. И так много раз, и вдруг корабль... завалился прямо на рабочих... Травмы, скорая помощь, больница. После небольшой паузы убрали волны, спектакль продолжался, а Садко запел: «Ты прости, дружинишка...»

Я с большим уважением отношусь к актерам, особенно оперным. Их труд – неустанная фанатичная работа, работа и работа и, несомненно, творческое горение. Таков путь актера и его жизнь. Все это я понял еще с детства, наблюдая, как каждый день отец готовился к репетициям, заботился о голосе, звуке, движениях, дирижере и еще о тысячах вещей, которые нельзя было забывать. Режим во всем: есть мало, в день спектакля – полуголодная диета. А мучительные бессонные ночи до и после спектакля, когда разгоряченный мозг с трудом переключается из мира образов и фантазий в реальность, и наоборот. Прошел спектакль, и все начинается сначала. Очень люблю дуэт Любавы и Садко из III картины в исполнении Надежды Андреевны Обуховой, выдающейся певицы. (Много у нас хороших, замечательных меццо-сопрано, но таких, как Обухова, нет и не было в истории нашего оперного искусства.) Садко – Николай

Николаевич Озеров. Кстати, отец принимал участие в 130 спектаклях оперы, превысив число выступлений всех остальных теноров, в том числе и создателя партии Садко Секар-Рожанского и выдающегося певца Баначича.

В 1907 году, будучи студентом I курса Казанского университета и учеником музыкального училища (отцу было тогда 19 лет), он участвовал в спектакле «Пиковая дама» в постановке знаменитого провинциального тенора Закржевского. Приглашен папа был на роль распорядителя. Он так волновался, что перед выходом на сцену все время брал камертон ре-ля, ре-ля. Проходивший мимо Закржевский спросил его: «Что ты все хватаешься за камертон?» – «Боюсь, что не смогу спеть правильно свою фразу и попасть в тон с оркестром», – ответил отец.

Закржевский улыбнулся: «Как же ты будешь со временем петь Германа?» И... напроорочил. Спустя четыре года отец исполнил партию Германа сначала в оперном классе, потом в провинции, а 1919-1920 годах уже на сцене Большого театра. Он часто повторял: «Вот в Большом театре, по существу, и началась настоящая работа над образом Германа». Партию Германа отец пел 450 раз.

Конечно, отец выступал и в концертах с разнообразным репертуаром.

К сожалению, записи оставляют желать много лучшего. Пластинки или, как я их называю, шипучки не могут дать полного представления о настоящем голосе певца. Но несмотря на это, слушая их, получаешь огромное удовольствие.

Как-то отец рассказывал: на одном из концертов ему представили его аккомпаниатора – скромного молодого человека лет 22-23, имени и фамилии которого он даже не запомнил. Через несколько дней в Москве должен был состояться концерт хора Синодального училища. Руководитель и дирижер хора внезапно заболел, и разочарованная публика узнала о том, что вместо него выступит молодой дирижер Николай Голованов. Отец, смеясь, рассказывал, как он был удивлен и поражен, когда на эстраде появился его недавний аккомпаниатор. Голованов отлично провел концерт, поразив слушателей своим темпераментом, уверенным и не по годам волевым дирижерским жестом. С тех пор они стали друзьями. Их объединяла большая творческая работа. Голованов и его жена Антонина Васильевна Нежданова часто бывали в нашем доме.

Собранные мамой высказывания и впечатления Николая Николаевича Озерова послужили материалом для замечательной книги «Оперы и певцы», изданной посмертно в 1964 году. Настоящий раздел навеян мотивами этой книги. Вот вкратце биография отца.

Родился в 1887 году в селе Спас-Утешенье Затишьевской волости Рязанского уезда. Мать, Ольга Раинова, внучка известного духовного композитора Виноградова, музыкально одаренная, была пианисткой.

Отец писал: «Когда мне только исполнилось пять лет, я стал заниматься с отцом (Николаем Степановичем) пением, и это помогло мне в дальнейшем. Отец мой, скромный сельский священник, был музыкален, имел прекрасный голос – бас – и, будучи учеником, сам пел солистом в хоре. Припоминаю: в раннем детстве мы частенько распевали с отцом незамысловатые дуэты, где я пел дискантовую партию. Тогда же я получил от него первоначальное понятие о нотах и элементарной теории хорового пения».

Формирование личности отца неотъемлемо от родного края. Он обучался в рязанском духовном училище. 14-ти лет переведен в Рязанскую духовную семинарию, там он пел в ученическом хоре, одновременно брал частные уроки по скрипке. Через два года начал играть в семинарском, а потом в местном любительском оркестре. Все успехи были настолько значительны, что он получил приглашение в оркестр городского театра на первую скрипку, участвовал в концертах, слышал выступления столичных гастролеров. На 17-м году у него окончательно установился тенор, а спустя год отец стал солистом церковного хора.

Вскоре он поступает в Казанский университет сначала на медицинский факультет, потом переводится на юридический, одновременно его зачисляют на вокальное отделение Казанского музыкального училища.

Летние каникулы проводит в Спас-Утешенье у своих родных. В 1907 году он переезжает в Москву и поступает в МГУ, который оканчивает в 1910 году. В 1913 году оканчивает оперно-музыкальные курсы. С 1914 года работает по специальности, на должности судьи, в г. Владимире. 1917 год, он снова в Москве. Свою первую значительную оперную партию Рудольфа в опере «Богема» Пуччини исполняет в театре «Алтар» (Малая опера). Затем, в 1917 году, поет в Театре Совета рабочих депутатов (бывшая опера Зимина). 1919 год – солирует в Театре художественно-просветительного союза рабочих организаций, исполняет партию Гофмана («Сказки Гофмана» Оффенбаха), Канио («Паяцы» Леонкавалло) и Альмавиву («Севильский цирюльник» Россини).

Его имя популярно среди московских любителей оперы.

Тот же 1919-й становится годом дебюта в Большом театре (партия Германа). Приглашение в Большой театр совпало с годами напряженной учебы под руководством крупнейших режиссеров К.С. Станиславского и Вл. Н. Немировича-Данченко, выдающегося педагога вокалиста В. Бернарди, опытного музыканта-дирижера цеха Вячеслава Ивановича Сука. Отец вспоминал: «Мои занятия со Станиславским и Немировичем-Данченко наложили отпечаток на всю мою художественную деятельность».

С 1921 года он постепенно входит в текущий репертуар Большого театра как один из основных исполнителей ведущих партий драматического тенора. Он создает замечательные вокально-сценические образы: Садко (одноименная опера Римского-Корсакова), Герман («Пиковая дама» Чайковского), Хозе («Кармен» Бизе), Самозванец («Борис Годунов» Мусоргского), герцог («Риголетто» Верди), граф Альмавива («Севильский цирюльник» Россини), Фауст (одноименная опера Гуно).

В дальнейшем отец овладевает вершинами тенорового репертуара – партиями Радамеса («Аида») и Отелло композитора Верди, Гришки Кутерьмы («Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова), вагнеровским Лоэнгрином («Лоэнгрин»), князя Галицкого («Хованщина» Мусоргского). Его партнершами только в опере «Кармен» были такие выдающиеся певицы, как Н.А. Обухова и М.П. Максакова, Е.А. Степанова и Е.К. Каткульская, А.В. Нежданова... Не прерывается его связь с выходцами из родного края. В спектакле «Пиковая дама» исполнял партию Германа, а Томского пел его друг и земляк Григорий Степанович Пирогов. Озеров с Пироговым участвовали в концертах, устраиваемых рязанским ОСО-АВИАХИМом в городе, они начинали свой путь в здании бывшего дворянского собрания. Другой земляк и друг, Николай Капитонович Яковлев, стал ведущим актером Малого театра, народным артистом СССР. Соученик по рязанской духовной семинарии Павел Александрович Родимов прославился как живописец и поэт.

30-е годы. Отец входит в образы современников, непривычные для артиста академического театра, поет в операх советских композиторов. Распространяются пластинки с записями партий в его исполнении. В конце 30-х годов Н.Н. Озеров – мастер и учитель, душа и совесть коллектива театра, человек, пользовавшийся огромным авторитетом среди товарищей.

Отец унаследовал и продолжил лучшие традиции своих великих современников – Ф.И. Шаляпина, Л.В. Собинова. С Шаляпиным он пел в «Севильском цирюльнике», в «Фаусте» и «Борисе Годунове».

Год 1931-й – педагогическая работа в Большом театре. Он оставил яркие, взволнованные воспоминания о выдающихся дирижерах и певцах, мастерах сцены. «Я, приступая к работе над образом, обращаюсь прежде всего к музыке и в ней, главным образом, нахожу материал для понимания и оперы в целом, и внутреннего мира своего героя... Интонации исполнения

вытекают из душевных переживаний. Они должны быть эмоционально насыщены, предельно выразительны».

Он дает тонкий, глубокий анализ европейской музыкальной и вокальной культуры, сопоставляет ее с отечественной, анализирует сильные и слабые стороны исполнителей, делает интересный разбор партий отдельных отечественных и зарубежных певцов и массовых сцен, дает оценки и характеристики выдающимся исполнителям.

Отец считал, что «оперному певцу нужно быть культурным человеком. Надо все время развиваться, не только работать над голосом, но и хорошо вокально мыслить. Если у певца нет критического отношения к себе, из него хорошего артиста не получится». Кроме того, «надо коренным образом перестроить систему музыкально-вокального образования, начиная с первоначального обучения и охраны детских голосов... То, что когда-то составляло секреты мастеров пения, то есть их методы постановки голоса, теперь превратились в научно обоснованную теорию. Открытия в области физики, физиологии и анатомии возвели пение на ступень искусства... основывающего на них свою стройную научно-художественную систему».

Замечательная, продолжительная деятельность Н.Н. Озерова в Большом театре и на концертной эстраде, многочисленные выступления в городах Советского Союза и за границей получили высокую оценку. Ему было присвоено звание народного артиста РСФСР, он был дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени. «Огромный опыт, победы в труднейших партиях мирового тенорового репертуара, аналитический ум, встречи с выдающимися советскими и зарубежными коллегами – всё это делало Озерова настоящим маэстро, теоретиком и практиком оперного искусства», – писал журнал «Театральная жизнь» № 10 за 1987 год к 100-летию со дня рождения певца. Не кончая консерватории, не стажирясь в Милане, Озеров был ее украшением. Лишь пять недолгих лет он вел в ней класс вокала.

Творческая деятельность отца продолжалась 40 лет, из которых 27 на сцене Большого театра. Почти весь текущий теноровский репертуар он нес на своих плечах. Главный дирижер Большого театра В.И. Сук сказал как-то: «Если с ним что-нибудь случится, вешайте замок на театр».

«С особой признательностью вспоминаю я, – писал С.Я. Лемешев, – о той творческой помощи, которую своими беседами и советами оказывал мне Николай Николаевич в первые годы моей работы в Большом театре». В годы войны Озеров был председателем Военно-шефской комиссии. Возглавлял ее жюри. Шесть лет работал директором Дома актера. Его сменил на этом посту Михаил Жаров.

Будучи литературно одаренным и образованным человеком, он любил записывать свои впечатления об увиденном. Об этом говорит его книга «Опера и певцы». Книга посвящена анализу нескольких его партий (Герман, Садко, Галицкий, Отелло), впечатлениям о спектаклях итальянских оперных театров.

В 1952 году отец писал: «Я много наблюдал, видел. Целая галерея человеческих характеров прошла мимо меня... Огромный психологический опыт был накоплен, и явилась потребность пережитое изложить на бумаге. А практическая работа в консерватории настолько поглощает мое время, что писать свои воспоминания я не в состоянии. Быть может, наступит время, и я доживу до того дня, когда позволю себе освободиться от своих трудов и заняться мемуарами». К сожалению, отец не нашел времени для мемуаров. Через год он ушел из жизни. Мы, вероятно, многое бы узнали о его родине, выдающихся соучениках по Рязанской гимназии, родителях и о многом другом.

Если о творческой биографии моего отца, народного артиста республики, солиста Большого театра Николая Николаевича Озерова можно узнать из книги В. Слетова «Н.Н. Озеров» (М.: Л., Госмузиздат, 1951), то с необычной биографией моей мамы, Надежды Ивановны Озеровой, предлагаю познакомиться, прочитав ее документальный рассказ.

В московском доме Сахарова

Зимой в Москве за высоким забором нашего красного скромного домика на Старой Басманной, который предоставили моему отцу в качестве казенной квартиры, скрывалась огражденная от взоров мира, скромная жизнь тихого семейного уюта. Старая Басманная была в то время тихой тенистой обсаженной липами, молодыми дубами, кленами улицей. Нарядные и красивые особняки московской знати и купечества тянулись от Красных ворот до Разгулял. Это были целые усадьбы с чугунными изгородями.

В феврале 1896 года в семье железнодорожного врача, Ивана Сергеевича Сахарова, родился ребенок, девочка, после семилетнего очень счастливого, но бездетного брака. Горько плакала моя мать, когда узнала о своей беременности. Было мучительно стыдно, как скажет она об этом своим родным. Таково было старое нелепое воспитание и ее робость и застенчивость перед родней.

Только раз проявила она не свойственную ей настойчивость, когда объявила о своем твердом намерении выйти замуж за моего отца. Прекрасное любящее сердце и десятирублевый урок – вот все, что мог предложить генеральской дочке скромный бедный студент. Брак этот казался чудовищным мезальянсом и так пугал своей материальной неустроенностью уже овдовевшую в то время бабушку, что она неделю не выходила из своей комнаты, плакала, не осушая слез. Уговоры, мольба не торопиться, подождать – не помогли. Мать моя настояла на своем, ушла из дома на трудовую жизнь с любимым человеком.

Очень любили они друг друга, были молоды, трогательны в своем чувстве, верили в свои силы и жизнь завоевывали радостно и дружно. Счастливым был этот брак, редким по длительности и силе чувства, по нежности, взаимному уважению и той духовной близости, которая была между моими родителями.

В Спас-Утешенье, где служил священником отец моего будущего мужа, Николай Степанович Озеров (в имении управляющего казенной палатой Николая Павловича Левицкого), росла его внучка Дина, Надежда, как ее стали называть. Сын священника, семинарист Николай Николаевич, будущий певец, влюбился в 14-летнюю Надю. Три года ждал, пока она кончит гимназию. В 17 лет Надя вышла за него замуж.

С самого раннего детства я слышала рассуждения о театре, начала им интересоваться с того момента, как себя помню. В 6-летнем возрасте впервые слушала в Большом императорском театре оперу Глинки «Жизнь за царя». Впечатление было ошеломляющее. Несколько лет подряд грезил, жила этим спектаклем. Нечего и говорить, как это представление подействовало на мои и без того развитые дедом патриотические и поэтические чувства.

С этого дня я распевала арии, наряжалась перед зеркалом, воображая себя то на балу в образе Мнишек, то русской девушкой в Кремле, то танцующей мазурку, полонез или краковяк.

Вспоминаю большой любительский благотворительный спектакль в 1916 году в доме у Владимирского губернатора. Мне двадцать лет. Я играю роль барышни в пьесе Тургенева «Вечер в Сорренто». Помню себя: локоны, кринолин, тарлотановое белое платье, оголенные плечи, бархотка на шее, робость первых произносимых слов на сцене, затем сплошной розовый туман и радость творчества и перевоплощения.

Нет больше Надежды Ивановны Озеровой – на сцене живет, движется, страдает, любит тургеневская девушка. И кто это там поет в ночной тиши залитого луной Сорренто неаполитанскую песню: «Видишь, как прекрасно море, как колышется оно, но, увы, одно лишь горе нам с тобою суждено»... Уличный ли певец – итальянец или муж мой, Николай Николаевич, а может, товарищ прокурора Владимирского окружного суда, участвовавший тоже в этой сцене?

Этим спектаклем начался и окончился мой театральный сценический путь... Правда, в 1919 году я держала экзамен в впервые открывающийся в Москве Государственный институт

кинематографии и была принята на театральный факультет под фамилией Левицкая, где благоговейно и восторженно проучилась всего шесть месяцев. Затем серьезное заболевание, беременность, роды первого ребенка заставили меня прекратить занятия, к сожалению. Но в данном случае, пожалуй, это был не обычный конец творческого пути. Нельзя забывать, что были 1919-1920 годы, разгар революции, разруха, голод, хаос, террор, когда жизнь страны чуть теплилась и иногда казалось: вот-вот совсем замрет... Надо было действительно иметь лучезарную молодость за плечами и такие физические силы, чтобы после 8-часового рабочего дня (а я работала тогда в Госбанке в неотопливаемом помещении Биржи на Ильинке), закусив двумя-тремя картошками с солью, изредка котлеткой из конины, бежать в конец ул. Горького и там еще в течение 5-6 часов танцевать, фехтовать, проделывать акробатические номера, слушать лекции и возвращаться домой на Марсову улицу пешком в полной тьме, в морозную полночь, порой под звуки выстрелов, вой ветра и окрики часовых.

Конечно, дома мрачно встречали меня мои домашние и на мое увлечение кино смотрели косо. В то время люди вечером старались передвигаться по совершенно темным, занесенным снегом улицам табунами.

При всех этих обстоятельствах дома не могли радоваться моему театральному обучению, которое вообще считали в такое серьезное время блажью. А уж после того, как я, проболев испанкой, при плохом питании до того ослабела, что всякое движение, всякое физическое усилие доставляло мне боль в сердце, меня мой лечащий врач уговорил временно прекратить ходить в институт и помог уйти с работы из банка. Я уехала в деревню поправляться и готовиться быть матерью своего сына Юрия.

Затем роды, кормление... К своему материнству, как своего рода творчеству, я относилась взволнованно, трепетно вкладывая в него – как и во все, что делала – весь пыл своей души, так что другому увлечению в это время не могло быть места в моей жизни. Ребенок занимал слишком много времени, требовал огромного запаса духовных сил. Чтобы сносно жить в это тяжелое время (жалованья моего мужа, уже в то время артиста советской оперы и одновременно МХАТа, и жалованья отца, старшего врача северных железных дорог, не хватало: было много едоков и иждивенцев), я пошла снова работать, но уже не тупо-механически служить в канцелярии, а на живое, увлекательное для меня дело, – в торговлю. Да, торговать мануфактурой и какао на... рынке. Благо наступило время НЭПа. И я могу сказать правдиво и откровенно, что несла я этот нелегкий физический труд с азартом, перевоплощаясь утром из женщины общества в рыночную торговку «м-м Анго», как меня называли, а вечером снова в жену артиста, оперного премьера. Своего рода творчество. Да еще какое...

Из института присылали мне повестки с требованием явиться, но, увы, я все еще медлила. Вскоре снова заболела, заболела брюшным тифом, болела долго. А затем смерть отца и рождение второго ребенка, которого трудно было выхаживать, так как его, беднягу, обварили при рождении в родильном заведении.

Растить двух детей в те времена было нелегко, да к тому же взгляды моей семьи и мои были еще прежние, то есть семья, муж, дети – прежде всего. С появлением детей, которых после 7-летнего брака... я уже отчаялась иметь, кончилась моя театральная карьера, начался новый этап жизни – жизнь в детях. К тому же, я всегда была так застенчива, так мало значения придавала своим артистическим данным, да и вопрос: были ли они у меня?

Рядом с талантом мужа мои и другие маленькие художественные дарования казались крошечными, напоминать о которых я стыдилась. Стеснялась даже говорить о них, а уж культивировать их и подавно. Этим объясняется – почему держала я экзамен в институт под другой фамилией? Сознаться, что я жена артиста Озерова, мне было ужасно совестно. Вдруг провалюсь?

Зато как приятно было узнать, что я, принятая в институт без всякой протекции и влияния, получила хорошую оценку и письменную характеристику, данную после экзамена, в кото-

рой за подписью князя Волконского, Гардина и Чаброва значилось: изящная внешность, большой темперамент, обаяние, выразительность. И еще что-то, уже теперь не помню. Тогда я была в восторге. Бросив институт, я утешилась, занявшись живописью, которую страстно любила и к которой у меня были, как говорили мои педагоги и я сама чувствовала это, действительно, настоящие способности. Тем не менее и ее я так же вскоре безжалостно бросила.

В дальнейшем жалела ли о театре и живописи? И да, и нет. Иногда в сердце зарождалась горечь от неосуществленной мечты, но, подумав, решала: «Иначе не могло быть». Моя молодость проходила в трудное время. Быт был слишком тяжел и сложен. Надо было выбирать и решать: искусство или семья? И я выбрала творчество в семье... И как знать, смогли бы мой муж и сыновья стать тем, кем они стали, если бы я решила развивать свою маленькую личность, свои маленькие дарования?

Мама хорошо танцевала. Брала уроки у танцовщицы Натальяни. Хорошо рисовала, занималась у художника Миканджана. Мечтала играть в теннис.

У меня в руках портрет, где она совсем молодая. В этом фотоснимке сочетаются лукавство, изюминка, ум, бесконечная доброта.

Незадолго до смерти Надежда Ивановна Озерова писала: «Мне исполняется 81 год. Как говорит поэт, „вечереют дни моей жизни и скоро наступит ночь...» Я хочу подвести итог. Мужа я лишилась 24 года тому назад. Это было незабываемое горе, осталась одна с двумя прекрасными сыновьями. Я благодарю Бога за то счастье, что он мне послал таких детей.

От всего сердца благодарю своих мальчиков за их любовь, редкую, чуткую, полную внимания и красоты».

Мой старший брат Юрий Николаевич Озеров.

Визитная карточка:

Лауреат Ленинской и Государственной премии СССР

Лауреат премии Довженко

Народный артист СССР, народный артист России

Заслуженный деятель искусства РСФСР, Польши и Чехословакии

Член коллегии Госкино СССР

Секретарь правления Союза кинематографистов СССР

Член жюри международных кинофестивалей

Член Национального олимпийского комитета СССР

Режиссер-постановщик киностудии «Мосфильм»

Профессор ВГИКа

Награжден 35 правительственными наградами, среди них два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, ордена Боевого и Трудового Красного Знамени и т. д.

Родился в 1921 году. Увлекался живописью. Какое-то время учился в художественной школе. По окончании десяти классов в 1939 году поступил в ГИТИС. В том же году был призван в Красную Армию. В 1941 году начал войну рядовым связистом. Воевал под Москвой, в Карпатах, освобождал Польшу, Восточную Пруссию. Награжден орденом Боевого Красного Знамени. Во время войны Озеров окончил ускоренный курс Военной академии им. Фрунзе. Служил в штабе армии, принимал участие в разработке крупных операций. Боевой путь окончил в Кенигсберге в звании майора. Родовая преемственность, тяга к искусству послужили поводом к демобилизации. Летом 1945 года продолжил прерванное образование в ГИТИСе. В следующем году поступил во ВГИК, что больше соответствовало его наклонностям. Режиссерский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии Озеров окончил в 1951 году в 30 лет.

В небольшой квартире брата есть свой «домашний музей».

Рабочий кабинет Юрия Николаевича. Вдоль правой стены расположились стеллажи с книгами. В центре – красного дерева старинное бюро, когда-то подаренное режиссеру матерью Надеждой Ивановной.

Все свободное от книг место на стенах кабинета занимают картины, старинные миниатюры, фотографии. Здесь снимки отца, Николая Николаевича Озерова-старшего, известного оперного певца, в ролях Хозе, Германа, Отелло, Садко, Радамеса.

Здесь же – исполненные прекрасными мастерами портреты далеких предков (прапрадед по матери, например, был лейб-медиком при императорском дворе Александра I, воевал с Наполеоном, а прадед учился в лицее вместе с М.Ю. Лермонтовым и не без влияния великого поэта пытался сочинять стихи...).

В центре кабинета висит небольшого размера фотография. Слева на ней – Константин Сергеевич Станиславский. Великий реформатор театра положил руку на голову 8-летнего Юры Озерова, словно напутствуя его в будущее. Рядом с мальчиком сидит на ступеньках Василий Иванович Качалов.

Для нас с братом отец был кумиром. Мы вместе ходили на спектакли Художественного театра с участием Ивана Михайловича Москвина, с которым отец дружил. Смотрели в Малом незабываемую Александру Александровну Яблочкину. Нередко папа брал с собой Юру в оперу, а меня по малолетству оставляли дома, где я ревел белугой.

Эти поездки, а точнее говоря, походы – отец предпочитал ходить в театр пешком – оставляли неизгладимый след в мальчишеских душах.

Юра жил театром, дышал театром, не мог без театра. Тайком писал стихи, разучивал монологи, пробовал сочинять пьесы. Спрашивается, какую, кроме актерской, мог он избрать для себя карьеру?

В школе Юра неожиданно увлекся живописью. Не пропускал ни одной выставки, коллекционировал репродукции картин любимых мастеров – Эль Греко, Сезанна, Нестерова, – перерывал полки у букинистов в поисках редкой книжки по изобразительному искусству. Увлечение было столь сильным, что он поступил и какое-то время учился в художественной школе, которая размещалась в одном из тихих переулков на бывшей Мясницкой. Изучал композицию, писал натуру и один раз даже выставлялся в Доме пионеров Бауманского района, за что удостоился похвального листа.

Небольшая наша «семейная тайна». Когда в пятом классе я получил на лето переэкзаменовку по рисованию, то упробил брата помочь мне. Тот согласился, взял альбом и довольно быстро сделал необходимую работу. А осенью изумленный учитель рисования, несколько раз перелистав альбом «ученика Озерова Николая», воскликнул: «Или произошло чудо, или ты не тот Озеров!»

Все было: и артистическое окружение, и тяга к искусству, незаурядные способности и юношеские мечты. Казалось, вопрос о будущей профессии и для Юры, и для семьи был решен.

Но в 1939 году, после окончания школы, Юрий, как и сотни его сверстников, уходит по «ворошиловскому» призыву в Красную Армию.

В армии с чьей-то легкой руки за ним закрепилось на многие годы простодушное прозвище «Швейк», и, должно быть, тот, кто его придумал, и сам не подозревал, насколько оно окажется точным.

Сейчас вряд ли кто-нибудь станет утверждать, что тот юношеский порыв, в результате которого Юра оказался в рядах Красной Армии, был его первым осознанным шагом на пути к «Освобождению», поставленному, как известно, тридцать лет спустя. В равной степени трудно отстаивать и противоположную точку зрения, абсолютно исключая всякую связь между двумя этими фактами: не будь у брата за плечами семилетней воинской службы (в том числе четырех лет фронта), едва ли Юрий Озеров пришел бы к «Освобождению», а позднее и к «Солдатам свободы».

Ранним утром 22 июня 1941 года, когда из Москвы понеслись боевые приказы советским войскам, принявшим на западной границе удар гитлеровских полчищ, в числе тех, кто первым передавал эти приказы, был младший лейтенант Юрий Озеров.

Война...

Из тех молодых ребят, что ушли на фронт прямо со школьной скамьи, мало кто задумывался над своим послевоенным будущим. Была война, и они ушли воевать. Не умирать, а жить, чтобы уничтожить ненавистного врага и любой ценой добыть победу – «одну на всех».

У брата великолепная память.

1941-й год. Зарница бомбежек над Москвой. Юрий – офицер связи при Генштабе. Бой, в котором его батальон почти сутки отражал атаки немцев. Первая боевая награда. Огромные, плохо отапливаемые аудитории Академии имени Фрунзе, ускоренный курс которой старший лейтенант Озеров прошел менее чем за год. Дорога на фронт. Самый медленный на свете поезд и третья, почти под крышей вагона, полка, на которой спит привязанный собственными ремнями, чтобы не свалиться, 22-летний капитан, догоняющий штаб 18-й армии...

Может быть, самым сильным испытанием за всю войну стали для брата пять апрельских суток 45-го года, проведенные на армейском наблюдательном пункте вблизи Кенигсберга.

Три майора – Озеров от пехоты, артиллерист и авиатор – расположились на НП, который представлял собой небольшого размера деревянную площадку, укрепленную на вершинах трех высоких сосен. Места было так мало, что связисты дежурили внизу, в блиндаже, а наверху у офицеров были лишь рация, телефоны и стереотруба.

Пять дней длилась мощная артиллерийская подготовка перед штурмом Кенигсберга, одной из самых мощных крепостей в Восточной Пруссии. Пять суток над головами трех смельчаков летели снаряды особо крупных калибров, наши и вражеские. Ночью было светло, как днем. Залпы орудий, завывание снарядов, грохот взрывов соединялись с непрерывным гулом сотен самолетов, беспрестанно бомбивших город...

За участие в штурме Кенигсберга Юрий Озеров был награжден орденом Красного Знамени. Два года спустя, когда, демобилизовавшись из армии, брат пришел во ВГИК, его сокурсники, тоже бывалые солдаты, чуточку завидовали храброму майору, появившемуся в студенческой аудитории с редким и почетным орденом на гимнастерке. Они-то знали цену этой награде...

В том бою под Кенигсбергом случилось и другое событие, сыгравшее значительную роль в судьбе уже не майора, а режиссера Озерова. Тогда на НП, в самый разгар сражения, Юра, издерганный, оглохший от непрерывной канонады, вдруг на какое-то мгновение словно бы со стороны увидел эту грохочущую битву, и память его запечатлела это событие на долгие годы.

Став профессиональным режиссером, брат нет-нет и возвращался мыслями к тому едва уловимому ощущению в апреле 45-го, которое с расстояния прошедших лет казалось почти пророческим. Неторопливо раскручивалась лента памяти, и перед глазами художника возникали тревожащие картины прошедшей войны – лица боевых друзей, почерневшие от огня хлеба, руины городов и сел, яростные атаки, кресты на могилах оккупантов.

Память не давала покоя.

Он ставил разные фильмы. Получал призы на кинофестивалях. Отвечал на письма зрителей. О нем говорили: «Везет же человеку – одна картина за другой!» – а он страдал от сознания, что не удалось пока рассказать о самом главном, что мучало, волновало, не давало заснуть...

Освобождение пришло с фильмом. Случилось, правда, это не скоро – через двадцать долгих лет после кенигсбергских событий...

Войну майор Юрий Озеров закончил в поверженной прусской цитадели: его оставили при комендатуре Кенигсберга, и он, с присущим ему рвением, помогал восстанавливать город.

Он ходил по пустынным улицам, вчитывался в чужие готической вязи вывески, цепким взором военного отмечал следы прямых попаданий бомб и снарядов, размышлял о преврат-

ностях человеческой судьбы. Еще несколько недель назад он участвовал в боях за этот оказавшийся крепким орешком город, сеял смерть и разрушения, – и это было высшей мерой справедливости, проявлением подлинного гуманизма, ибо прежде чем вступить на чужую землю, советские солдаты оставили за спиной тысячи километров изуродованной врагами родной земли. А теперь он – хозяин этого города. Не гость, не турист, а именно хозяин. Он отвечает за тишину в городе, за жизнь людей, за то, чтобы у каждого было вдоволь хлеба и воды. Ему нравилась его новая роль, и он прямо на улице начинал широко и радостно улыбаться. Редкие прохожие удивленно останавливались, молча провожая его взглядами, а один пожилой немец как-то даже спросил: «Отчего герру советскому офицеру так весело?..»

Однажды брат забрел в зоопарк. Минувя пустые вольеры и клетки, вышел знакомыми еще по штурму города дорожками к тесноватому бассейну, в котором плескался бегемот, один из немногих уцелевших обитателей зоопарка. Постоял, наблюдая, как резвится неуклюжее, на первый взгляд, животное, а потом увидел: на серой шкуре бегемота явственно виднелись следы автоматной очереди. Брат бросил в бассейн несколько прихваченных с собой сухарей и, не оглядываясь, пошел к выходу...

В фильме «Освобождение» режиссер Юрий Озеров вспомнит тот бой за кенигсбергский зоопарк.

После Кенигсберга была Москва.

К своей главной теме он пришел не сразу. Уже первые его фильмы обращают на себя внимание специалистов и прессы. Фильм «В Никитском ботаническом саду» получает приз на Международном кинофестивале в Венеции. Фильм «Кочубей» стал одним из лучших фильмов о гражданской войне. С интересом был встречен фильм «Сын». А фильм «Фуртуна» (о борьбе албанцев с итальянскими и немецкими фашистами, снятый в содружестве с албанскими кинематографистами) вывел Озерова на международный уровень кинотрудничества. Яркими получились фильмы «В праздничный вечер» и «Арена смелых». Лента «Большая дорога», снятая совместно с чехословацкими кинематографистами, была выдвинута на соискание Ленинской премии и с успехом демонстрировалась за рубежом.

Юрий Николаевич дал себе слово отдать долг военной тематике. Этому он посвятил 24 года своей творческой жизни. Как постановщик и сценарист ряд фильмов он создал в содружестве с Ю. Бондаревым и О. Кугановым.

Из 26 поставленных им фильмов 16 посвящено военной теме.

Главной его работой, в которой он проявил себя как выдающийся мастер батальных сцен, была цветная широкоформатная киноэпопея в шести фильмах «Освобождение».

В эпопею вошли фильмы: «Огненная дуга», «Прорыв», «Направление главного удара», «Битва за Берлин», «Последний штурм».

Фильм «Освобождение» получил главный приз на Всесоюзном кинофестивале в Тбилиси, неоднократно демонстрировался по Всесоюзному телевидению. Эпопея «Освобождение» стала событием культурной жизни, общественно-социальным фактом, направленным против фальсификаторов истории.

Ю. Озеров писал: «Незадолго до того, как я взялся за работу над „Освобождением“, на Западе вышло несколько фильмов о войне, где была смазана или принижалась роль Советской Армии, извращалась история. И мне, старому солдату, было нестерпимо обидно видеть подобные ленты. О войне снято много фильмов, но то были фильмы, где показывались отдельные эпизоды войны, типичные, но придуманные, не конкретные... Мне хотелось рассказать о войне в целом, показать, какой она была, сделать фильм в жанре исторической хроники». В работе над «Освобождением» он провел многие часы в беседах с маршалом Жуковым, помогавшим создателям фильма. На общественных началах, так как опальному полководцу даже не разрешалось выплатить гонорар (по нынешним временам смехотворную сумму – 120 руб. И это в

то время, когда за одно только имя, вставленное в титрах западных фильмов, Монтомгери и Эйзенхауэр получали по миллиону долларов). Вот вам и благодарность за спасение Отечества!

Эпопея «Освобождение» сразу же оказалась в центре внимания международной общественности. Торжественные премьеры фильма прошли в 115 странах мира. Авторский коллектив киноэпопеи был удостоен Ленинской премии.

Следующая крупная работа брата – киноэпопея в четырех фильмах «Солдаты свободы», созданная в творческом содружестве с киностудиями Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии, эпопея об истории антифашистской борьбы, проходившей в разных странах. Заслуга Ю. Озерова и его коллег в том, что впервые в мировом кино было создано произведение, охватывающее большой исторический период, включающий героические эпизоды истории каждой страны, участвовавшей в борьбе с фашизмом. В фильме «Солдаты свободы» развиваются принципы исторической хроники, найденные в «Освобождении».

В жанре исторической хроники сняты четыре фильма под названием «Битва за Москву». В фильмах нет ни одного вымышленного персонажа. Ю. Озеров выступил в фильме и как автор сценария. Историческая реальность, воссозданная в фильмах «Битва за Москву», поражает своим масштабом; действие картины разворачивается на полях сражений, в штабах армий, фронтов, в Ставке Верховного Главнокомандования, в Государственном Комитете Обороны. «Мне, двадцатилетнему офицеру связи Генерального штаба, – писал Озеров, – довелось быть участником великого московского сражения. Я помню еще не покрытых славой полководцев Жукова, Шапошникова, Василевского, Соколовского, Ватутина, Доватора... Они отстояли Москву в том, 1941-м».

Международная премьера этого масштабного кинопроизведения состоялась в год 40-летия Победы. «Битва за Москву» стала центральным событием XIV Международного кинофестиваля в Москве.

Сериал военных фильмов венчают два фильма «Сталинград», получивших высокую оценку отечественных и зарубежных специалистов.

Юрий Николаевич – автор сценария и режиссер телевизионного киносериала из 17 фильмов «Трагедия века» (об истории Второй мировой войны, с участием лучших актеров 17 стран). Фильм посвящен 50-летию Победы.

В кинематографическом творчестве Ю. Озерова спорт занимает заметное место.

В фильме «Глазами восьми» (о Мюнхенской Олимпиаде 1972 года) 8 самостоятельных новелл было снято режиссерами разных стран.

Напомним, что герои Олимпиады – рязанские богатыри, борец Анатолий Рощин и тяжелоатлет Василий Алексеев.

Ю. Озерову выпала высокая ответственность начинать фильм. Новелла Озерова называлась «Старты». Свою тему он с оператором И. Слабневичем решили мастерски; за участие в фильме Озеров получил золотую Олимпийскую медаль. Фильм был представлен на фестиваль в Каннах и в Мюнхене. В 1979 году, в канун Московской Олимпиады-80, брат поставил фильм «Баллада о спорте». Композитор А. Пахмутова и поэт Н. Добронравов специально написали к фильму ставшие популярными мелодии. Ведущим в фильме доверено было выступить мне. Фильм с успехом демонстрировался в нашей стране и за рубежом.

Ю. Озеров, будучи руководителем творческого объединения «Олимпиада-80», писал, что фильм о Московской Олимпиаде «будет фильмом о спорте и физической культуре, об их роли в жизни нашего века и нашего общества, о колоссальных возможностях человеческого организма, способного дать ни с чем не сравнимое чувство власти над скоростью и высотой, земным притяжением и стихией».

В 1981 году на экраны вышел официальный фильм о Московской Олимпиаде «О спорт, ты – мир!»

Фильм получил одобрение и высокую оценку Международного Олимпийского комитета. Президент МОК Х.А. Самаранч заявил: «Мы одобряем эту великолепную киноповесть о крупнейшем спортивном событии и принимаем ее в качестве главного официального фильма об Олимпиаде-80».

Директор МОК М. Берлю отмечал: «Фильм сделан прекрасно во всех отношениях: по сюжету, трактовке событий, музыкальному оформлению и тексту...» За создание этого фильма брат и еще несколько человек из его группы, в том числе и я, были удостоены Государственной премии СССР. На фестивале спортивных фильмов в Турине (Италия) фильм получил «Гран-при».

В мире существуют только два кинорежиссера, которые сняли по два официальных Олимпийских фильма. Японский режиссер Кон Исикава и Юрий Озеров, сделавший фильмы о Московской Олимпиаде-80 и Мюнхенской Олимпиаде-72.

Брат очень любит спорт, играл в футбол, в теннис. Спортивные фильмы – его хобби. Они помогали ему творчески переключаться после фильмов огромной киноэпопеи «Освобождение».

Юрий Озеров, режиссер с мировым именем, известен и как мастер, увлеченно работающий с будущими режиссерами ВГИКа; автор ряда публицистических материалов о киноискусстве. В качестве секретаря правления он курирует многообразную международную деятельность Правления Союза кинематографистов, продолжает работу в студии «Мосфильм», где создает к 50-летию победы в Великой Отечественной войне фильм о маршале Советского Союза, великом полководце Георгии Константиновиче Жукове, под командованием которого он воевал.

Последние работы брата – «Сталинградская битва», «Ангелы смерти».

...Еще в студенческие годы я мечтал сыграть роль журналиста Питера Уоррена в пьесе Рискина «Дорога в Нью-Йорк». Играл эту роль знаменитый ленинградский артист Полицеймако.

В пьесе герой-журналист Питер встречается дочь миллиардера, которая убежала из дома к своему жениху, известному гонщику. Питер соглашается ей помочь. С ними происходит масса приключений, они попадают в интересные ситуации. Оба путешественника влюбляются друг в друга, но еще не сознают в этом. Журналист звонит в редакцию своей газеты и просит займы денег, обещая всю эту сенсационную историю рассказать читателям. Элли – героиня пьесы, проснувшись, решает, что Питер сбежал, звонит отцу, который ищет ее с помощью 10 тысяч сыщиков, умоляя простить ее. До этого у нее с Питером был разговор:

– Питер, вы были когда-нибудь влюблены?

– Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Она умерла? Она вышла замуж за другого?

– А так всегда бывает. Хорошие выходят замуж за другого, а хорошим парням достаются какие-нибудь стервы.

И Питер начал рассказывать Элли:

– Да, я был влюблен в одну девушку. Ей никогда не нужны были деньги. Вот скажи завтра – уедем туда-то – и она возьмет зубную щетку и отправится с тобой хоть на край света. Спите, я ни в кого не влюблен.

Последняя картина спектакля. Питер приходит к отцу Элли, чтобы получить восемнадцать долларов за пропажу своих вещей. Отец спрашивает:

– Это кроме тех десяти тысяч долларов, которые я обещал тому, кто поможет разыскать дочь?

Короче, после бурной сцены отец понимает, что Питер любит Элли, да и Питер ему понравился. «Сейчас я принесу Вам ваш гонорар».

В это время входит Элли. Она узнает, что Питер уезжает, и тут наступает совершенно неожиданная развязка. Она говорит: «Питер, подожди, я только возьму зубную щетку».

Вот так и моя будущая супруга Маргарита Петровна Азаровская, редактор издательства «Прогресс», взяла зубную щетку в трудный момент моей жизни, четверть века назад, и с тех пор возглавляет нашу семью. А когда появились дети, свою жизнь решила посвятить им и ушла с работы.

Дети мои – Коля и Надя – двойняшки, сейчас им по 25 лет. Коля на 10 минут старше Нади.

Надя окончила музыкальное училище имени Гнесиных, получила профессию хормейстера, работает редактором Московского канала телевидения.

Коля окончил Институт физкультуры, но по тренерскому пути не пошел, увлекается автомобилями.

Есть у нас еще один член нашей семьи, которого мы все страшно любим и друг к другу ревнуем.

В нашем доме всегда жили собаки и кошки. И жили они у нас как родные. Были всеобщими любимцами, делали, что хотели, спали вместе с нами. Наверное, мы плохие воспитатели, но мы их просто любим... Надо сказать, что большие собаки мне как-то не очень симпатичны, хотя я отношусь к ним с уважением. Люблю же я собак мелких пород и типа тойтерьера. Лет пять назад у нас погиб карликовый пинчер по кличке Чарлик. До него лет десять жил песик, который был назван по фамилии одного из героев популярной тогда оперетты о футболистах «Одиннадцать неизвестных». Там был персонаж – «болельщик Краснопресненского района Чашкин» (его играл известный актер Владимир Володин). Вот и стал наш пес Чашкиным.

После гибели Чарлика мы не находили себе места от горя. И вот приезжаю я как-то из командировки, а жена и дочка сообщают, что нашли собачку – такую несчастненькую, такую маленькую. Я говорю: «Нельзя же так сразу, ведь еще жива память о Чарлике». Они – уговаривать: «Смотри, какая маленькая, будешь носить ее в кармане. Это же карликовый пудель». А этот карликовый пудель вырос в такую здоровую псину – не карлик, а целая «лошадь»! (Насчет лошади – это, конечно, преувеличение, но на хорошую «овечку» Алиса вполне тянет.) Вообще-то она – существо не злобное, но сдачи дать может. Бывало, что и мне попадало, наверное, по принципу «кого люблю, того и бью». Но как встречает! Целует, лижет, ласкается, особенно когда приезжаешь после длительного отсутствия. Это дорогого стоит! Больше всех она любит моих женщин – жену и дочь, особенно жену, которая в ней души не чаёт. Спит Алиса, где захочет, но за ночь обойдет всех, как бы проверяет, все ли на месте.

Однажды у нас чуть было не появились две собаки. Как-то звонит с улицы сын и говорит, что за ним увязалась большая рыжая собака, кажется колли. Он привел ее домой. Пес потрясающий – красивый, элегантный, полный достоинства. Развесили объявления, что найдена собака, – никто не отзывается. Попросил помочь друзей с телевидения. Приехал Миша Макаренков, сфотографировал меня с этой собакой. По телевидению показали фотографию и дали мой телефон, хотя мне советовали не делать этого: замучают звонками. Ну, что делать, жалко собаку... Она уже стала почти своей. Подружилась с Алисой, спала, где ей нравилось. Вскоре раздался звонок: «Да-да, это наша собака. Мы едем!» А пока они ехали, мне позвонили из Общества защиты животных и предупредили, чтобы я был осторожен, так как найдется много желающих взять хорошую дорогую собаку, возможно даже из корыстных побуждений. «Будьте бдительны! – сказали мне. – Собака сама узнает хозяина». Приезжает семья, бросаются к собаке, поглаживают ее, ласкают, вроде даже знакомые пятнышки находят, – собака не реагирует. В это время еще звонок: «Вы только что держали на руках мою собаку! Разрешите приехать?» Говорю – поторопитесь, и прежним посетителям собаку не отдаю. Приехал немолодой человек и, как только он вошел, колли, опустив голову и прижав уши, виновато поползла к нему. Он же укоризненно обратился к собаке: «Ну как же так, почему ты на мосту

от меня убежала? Я ведь не мог за тобой угнаться! Как же тебе не стыдно?» Было видно, что это и есть хозяйин собаки. Посадили мы их в машину, довели до дома. Только открыли дверцу, собака стремглав бросилась в подъезд впереди хозяина. Но не успел сын завести машину, как она выскочила из подъезда, лизнула сына в лицо и снова убежала. Ну, как вы это распените? Собака жила у нас два дня, чувствовала доброе к себе отношение: кормили, поили, гулять водили, даже хозяина нашли – она все это поняла и, как смогла, отблагодарила. Все ли люди так ценят добро?

Собаки – чудные звери. Мы просто обязаны любить, беречь и охранять их. Настоящий любитель даже в наше нелегкое время поделится с собакой последним куском. Вообще любить животных и воспитывать это чувство надо с детства – так считал Сергей Владимирович Образцов, насмерть стоявший за животных. А ведь сейчас возрождают собачьи бои! Их устраивают те, кому все равно, лишь бы заработать деньги. Да, зарабатывать надо, но зачем же из-за денег терять моральный облик? Нельзя допускать эти бои! Когда я со «Спартаком» был в Испании, мы пошли на корриду, где все «болели» за быка, которого уж очень доводили, и всем хотелось, чтобы победа была за ним. А тут собаки – Боже, упаси!

Это было зимой. Война заканчивалась. Театры начали ставить новые премьеры. Появилась афиша Детского театра: «Три мушкетера» Дюма. Очень мне захотелось посмотреть этот спектакль, люблю Дюма, все его произведения, без исключения.

И вот, наклонившись к администратору в окошечко, я попросил у него пропуск. Понял, что допустил роковую ошибку, но понял слишком поздно: паспорт, билет мастера спорта, еще какие-то документы были украдены из бокового кармана. «Три мушкетера» обошлись слишком дорого.

Продолжение заслуживает отдельного рассказа хотя бы потому, что работники любимой милиции с удовольствием посмеются над незадачливыми коллегами из 92-го отделения милиции. Правда, лет прошло немало, всерьез относиться к этому не стоит, но на ус намотать все же можно. Нельзя из мухи делать слона.

Все ждал, надеялся, что болельщики «Спартака» подбросят паспорт. Через какое-то время надо было уже идти платить сто рублей штрафа и получать новый паспорт. Пришел к начальнику. «Озеров... Озеров? Чемпион страны по теннису? Вы в таком-то году были осуждены по статье такой-то, десять лет тюремного заключения. Пять лет вы отсидели, а потом сбежали». Я говорю: «Вы мне льстите, что я сидел пять лет – я это допустить могу, но то, что я сбежал и успел за это время стать мастером спорта, выиграть звание чемпиона Москвы в таком-то году, стать чемпионом СССР в таком-то и таком-то году, окончить школу, которая находится в десяти шагах от вашего отделения милиции – вот этого я никак предположить не могу...» – «Да? Странно... Зайдите через недельку». Через «недельку» попросили зайти еще через «недельку», потом еще через «недельку».

...Когда я пришел в очередной раз, секретарша, потупив взор, сказала: «Плохи ваши дела, товарищ Озеров, все подтвердилось». И повела меня к начальнику отдела. Тот мрачно улыbnулся, сказав «да», – и повел меня к начальнику милиции.

Начальник милиции просматривал газету «Комсомольская правда», где была помещена фотография, запечатлевшая моего отца, известного певца Большого театра, отмечавшего в эти дни свое 60-летие, Мстислава Ростроповича, художника-худого, так что страшно было на него смотреть (мы недавно встретились с ним на одном из концертов, и оказалось, что знакомы уже 44 года), артиста Гриценко, а рядышком на фотографии пристроился я. В редакции газеты устраивали «пятницы» – творческие встречи, на которые приглашались известные артисты.

Выяснив суть дела, начальник распорядился выдать мне месячный паспорт. Я позвонил по телефону отцу, тот сказал: «Не брать никаких месячных паспортов!»

Говорю начальнику: «Извините, отец запретил мне брать паспорт. Вот перед вами газета „Комсомольская правда“. И вчера, в редакции, когда я рассказал, что сегодня иду к вам,

там долго смеялись, а главный редактор предложил написать фельетон. Действительно, живет человек в доме в десяти шагах от милиции, чемпион, мастер спорта, отец – народный артист России. И вдруг такая чушь». Подумав немного, начальник сказал: «Дай ему на пять лет».

Взяв паспорт, я спокойно отправился домой. Но вы плохо знаете нашу милицию.

Прошло несколько лет. Получаю повестку явиться к такому-то начальнику. А я в это время первый раз оформлялся в Польшу – решил подстраховаться. Тогда в теннис играл председатель КГБ Серов. Я ему говорю: «Иван Александрович, вот такая история». Он говорит: «Напишите мне заявление на имя Романова (кажется, был такой начальник милиции города), я этот вопрос решу». Но что-то меня остановило. Не пустят, тогда и буду разбираться. И не написал письма Романову. Уехал в Польшу.

Но став депутатом Бауманского райсовета, я почувствовал, как изменилось отношение ко мне.

За пятнадцать минут до начала очередной сессии райсовета пришел к начальнику родной милиции и говорю:

– Извините, у меня сейчас сессия начинается, зачем Вы меня вызывали?

– Ох, товарищ Озеров, извините, – и вызывает секретаря.

– Катя, зачем мы вызывали товарища Озерова?

– Вот, по тому делу. Начальник забеспокоился:

– Товарищ Озеров, я вас попрошу зайти ко мне после сессии, сейчас мне неудобно с Вами разговаривать.

На следующий день вместе с отцом отправились к первому секретарю Бауманского райкома партии – Николаю Федоровичу Игнатову, поклоннику «Спартака». Выслушав нас и улыбнувшись, он нажал кнопку телефона. Прошу прощения, могу ошибиться в фамилии начальника милиции, кажется, это был Пересыпкин. Спокойным голосом Игнатов ему говорит:

– Пересыпкин, тут на тебя жалоба, говорят, ты на рынке спекулируешь...

– Что вы, Николай Федорович! Да как вы могли подумать?

– Да я-то знаю, чем у меня занимается начальник отделения милиции, – переходя на жесткие тона, говорит Игнатов.

– У тебя в районе живет народный артист России Озеров – гордость Большого театра, сын – чемпион, комментатор, артист МХАТа. Ты мне район позоришь! Сейчас же ко мне в кабинет, извиниться, и чтобы больше этого не повторялось!

Прибежал перепуганный начальник отделения милиции, принес свои извинения, инцидент был исчерпан.

Вот теперь я хочу задать вопрос. Ну а если бы это был человек, который не жил бы в 20 метрах от милиции, не чемпион, не комментатор? Как же быть с ним?

Глава 2. Радость, слезы и любовь

В теннис я начал играть с девяти лет. В 28 километрах от Москвы есть такая станция – Загорянская. Это моя «теннисная родина», здесь я научился азбучным истинам этой увлекательной игры. Впрочем, не только я, здесь выросли отличные теннисисты: Александр Сергеев, Михаил Корчагин, Семен БелицТейман, Владимир Зайцев, Александр Голованов, Николай Кучинский и многие другие.

Впервые я увидел, как играют в теннис, когда мои родители привели меня на детскую спортивную площадку, где с ребятами занимался страстный энтузиаст спорта, один из старейших жителей Загорянки Василий Михайлович. Он был необычайно добр и внимателен. У него было много игрушек, и мы с удовольствием занимались физкультурой: играли в серсо, крокет, лапту. Ну а тот, кто был особенно прилежен, в качестве поощрения приглашался на теннисный корт. Выстроен он был в лесу без всяких ограждений. И для того чтобы не терялись мячи, Василий Михайлович перекрасил их в красный цвет. Моему первому учителю нравилось, как мы играли с братом: точно попадали по мячу и если не блистали техникой, то во всяком случае умели укоротить мяч и перебросить его свечой через противника. Особенно были заметны успехи моего брата Юрия. Василий Михайлович разрешил нам, кроме основных занятий с ним, посещать и главный спортивный центр Загорянки – три теннисных корта для взрослых. К сожалению, сейчас этих теннисных площадок уже нет. Они разрушены, на их месте построен дом, и осталось только название – Теннисная улица. На этой площадке я пропадаю с утра до вечера, сижу на судейской вышке, смотрю, как играют взрослые, а когда они отдыхали, подходил к какому-нибудь теннисисту и просил: «Дядя, дай поиграть ракеточку». Получив ее, мчался на третий корт и с удовольствием перебрасывал мяч через сетку. Взрослые заметили мальчика, который старался играть не так, как другие, – ему доставляло удовольствие перебросить мяч свечой через соперника, затем укоротить его и вновь перебросить. Взрослые стали приглашать меня поиграть вместе с ними, сердились, когда я гонял их по всей площадке, хотя сами были довольны такому «оздоровительному» теннису и подчеркнуто величали девятилетнего мальчика Николаем Николаевичем.

Прошло несколько лет. Я уже сыграл свой первый матч с мальчиком из Мамонтовки, был шестым игроком детской команды Загорянки. Брат мой был четвертой ракеткой. В 1935 году, когда мне уже было 12 лет, Сергей Павлович Павлов, покровитель юных загорянских теннисистов, решил, что пора мне проверить мои силы в матчах на первенство Москвы. Я не спал всю ночь, не верил в свое счастье и очень боялся: а вдруг не выдержку экзамен? Все зависело от знаменитого дяди Коли Филиппова – главного тренера детворы на московском стадионе Юных пионеров. Меня представили дяде Коле. Он попросил взять ракетку и поиграть об стенку. Я сделал всего три удара. Дядя Коля остановил меня и сказал, что сейчас я буду играть свой первый матч на первенство Москвы. «Иди на третий корт», – сказал он.

Первенство Москвы! Неужели свершилось? Я – участник этих соревнований?! Хотелось бежать на вокзал, к поезду, мчаться в Загорянку, сказать родителям, что экзамен я выдержал, допущен к играм. «Может быть, завтра сыграем первый матч?» – робко спросил я. Но дядя Коля был неумолим. Против меня вышел мальчик с полотенцем на шее, его сопровождали бабушка, дедушка и родители. Свой первый официальный матч я не проиграл. 6:0, 6:3 – таков был счет первой в жизни победы. Но и после этого дядя Коля меня не отпустил – заставил играть еще один матч, который тоже закончился моей победой.

Через день в полуфинале я обыграл Михаила Холосовского – 7:5, 6:3, впоследствии тренера по теннису, сильного перворазрядника, – и вышел в финал. Дядя Коля Филиппов прикрепил на моей майке эмблему «СЮП» – стадион Юных пионеров. В финале я играл с Семеном БелицТейманом, моим главным соперником во всех крупнейших соревнованиях на протяже-

нии всей теннисной карьеры. Много решающих матчей сыграли мы между собой в борьбе за звание чемпиона Советского Союза, Москвы. Борьба была острой, непримиримой. Собственно, она продолжалась всю жизнь. И не только на теннисных кортах. У нас были разные взгляды на теннис, на тренерскую деятельность, на развитие тенниса в стране, но уважение к труду «главнокомандующего» советского тенниса было всегда.

И вот наша первая встреча. Белиц-Гейман был выше ростом, обладал мощной подачей, на которую очень надеялся. Разминаясь, он так и говорил: «Если пойдет подача, от него ничего не останется». Но финал был моим. Я был острее, подвижнее своего соперника. Мне доставляло удовольствие атаковать, играть у сетки. И приятно, что симпатии публики были на моей стороне, а улыбающиеся, добрые глаза дяди Коли, который сидел в первом ряду, подбадривали. Я играл с удовольствием, с настроением, ставя своего рослого соперника в безвыходное положение. Словом, я выиграл – 6:3, 6:3 – и в двенадцать лет впервые стал чемпионом Москвы по теннису среди мальчиков. Бесконечно счастливый показывал я своим родителям газету «Красный спорт», где было написано, что стадион Юных пионеров выдвинул недурную смену: мальчики Эйнис, Озеров, девочка Шнепст (кстати, тоже из Загорянки) показали неплохую игру и многое обещают в будущем.

Да, Загорянка дала мне путевку в большой спорт. И каждый год на протяжении многих лет перед ответственными матчами я всегда приезжал в Загорянку, шел на Теннисную улицу и вспоминал детские годы, думал о предстоящей игре, настраивался.

Вскоре произошло еще одно событие, буквально потрясшее меня. Я увидел соревнования лучших мастеров тенниса на кортах ЦДКА, увидел и... заболел, заболел не только в переносном, но и в буквальном смысле слова. Приехал в Загорянку, и меня уложили в кровать с высокой температурой. Ночью я метался в бреду, мне казалось, что гигант Негребецкий своими сокрушительными ударами ломает стены. И Борис Новиков точно бьет в линию. И крученный мяч Кудрявцева я не в состоянии отбить – он все время перепрыгивает через меня.

Как только я поправился, стал регулярно посещать теннисные корты ЦДКА. Начались мои «теннисные университеты». С большим удовольствием я подавал мячи нашим мастерам. А сам, стоя за их спиной, играл мысленно, отражал удары, старался предугадать «ход» соперника и ответ «моего» игрока. И если теннисист, которому я подавал мячи, не брал мяч, не успевал к нему, то я-то уж точно знал, что на его месте я бы не только отбил и достал мяч, но и сыграл бы так, что соперник не в состоянии был бы отбить мяч. Подавая мячи, я учился всему, главным образом – технике. Ведь там, на даче, все мы, мальчишки, как умели, так и перебрасывали мяч через сетку. Поэтому-то и техника у меня навсегда осталась с изъянами. Удар слева, вторая подача были на редкость слабыми. Даже потом, когда я уже стал мастером и несколько улучшил свою технику, все равно старался как-то завуалировать свои слабые места, перехитрить соперника.

В том же 1935 году мой друг детства Володя Зайцев, выступавший за команду «Локомотив», привел меня в детскую теннисную секцию этого общества – самого популярного на железнодорожной станции Загорянка. Тренер Владимир Николаевич Спиридонов, увидев мою игру, выдал мне тапочки, и с тех пор я под руководством опытных тренеров, моих учителей – Евгения Михайловича Ларионова, Владимира Николаевича Спиридонова и Владимира Андреевича Филиппова – стал изучать все с самого начала, с азов. Обучали меня хорошо. Тренеры были большими специалистами своего дела, удачно дополняли друг друга. Я считаю их лучшими наставниками молодежи у нас в стране в те годы.

Евгений Михайлович Ларионов, заслуженный тренер РСФСР, старший тренер «Локомотива», был разносторонним спортсменом, лыжником высокого класса, футбольным вратарем – одним из лучших в Москве – и теннисистом. Но, странное дело, на тренировках он играл великолепно, а в соревнованиях неудачно: подводили нервы. Тренером же он был, повторяю, превосходным. Если чувствовал, что нам наскучили корты, тут же заменял тренировки и увле-

кал нас игрой в баскетбол, ручной мяч, футбол. Зимой регулярно возил нас на станцию Лосиноостровская, где мы ходили на лыжах, его указания были точны и определены. Его мудрые советы помогли моему спортивному росту и теннисному успеху.

Многим я обязан тренеру «Локомотива» Владимиру Николаевичу Спиридонову. Сначала он был одним из трех моих наставников, а потом стал и самым главным, единственным. Со Спиридоновым прошла почти вся моя жизнь в большом теннисе. Это был большой тактик и психолог. Его метод работы (я это смею утверждать, потому что видел и знаю, как работают крупнейшие современные тренеры) был абсолютно верным. Спиридонов умел так настроить своего ученика, что тот, находясь на грани поражения, в самые критические минуты не терял присутствия духа, продолжал борьбу и не раз добивался победы, когда всем уже казалось, что выиграть он не сможет. Спиридонов был наставником и старшим другом, заботливым, трогательным, внимательным учителем.

Детский тренер – профессия очень важная в спорте и, честно говоря, не очень благодарная. Готовить из ребят мастеров высокого класса нелегко, а вырастить первоклассного спортсмена вообще гигантский труд. Многие тренеры обязательно стараются переучить пришедшего к ним новичка, совершенно не хотят замечать того, «своего», хорошего, что у него есть.

Мои же учителя, совершенствуя мою игру, старались закрепить и развить положительные стороны: скорость, сильный удар справа, с воздуха, хорошую реакцию. Помогли мне выработать свой стиль, необычный, но интересный, для противников неудобный.

Все мы, юные теннисисты «Локомотива», любили Владимира Андреевича Филиппова. Он умел показать любой технический прием. Всегда был веселый, любил играть в футбол. Ну а на теннисном корте демонстрировал в соревнованиях такую волю, что, право, приходилось задумываться: а можешь ли ты так, как он?

У нас был очень дружный коллектив. Обо мне заботились, старались, чтобы у меня всегда была лучшая ракетка, новые мячи, хорошие тапочки. На тренировке руководители детской школы подбирали партнеров, которые должны были, по их мнению, помочь мне. А когда однажды на тренировке я выиграл у одного из лучших теннисистов Советского Союза, первой ракетки «Локомотива», мастера спорта Алексея Гуляева, тренерский совет, в том числе и сам Гуляев, решил поставить в команду железнодорожников Озерова запасным. Вот это коллектив! Сам Гуляев отказывается от матча с Новиковым, чтобы юный теннисист-одноклубник, запасной игрок, сделал первый шаг вперед, попробовал свои силы в игре с выдающимся теннисистом, многократным чемпионом страны, заслуженным мастером спорта, одним из первых удостоенных высокой награды – ордена «Знак Почета». Впоследствии Борис Ильич был не только моим основным соперником, но и партнером, другом, наставником. Под его руководством я выиграл даже звание чемпиона страны.

Но вернемся к занятиям в «Локомотиве». Я играл все лучше и лучше, вновь подтвердил звание сильнейшего среди детей: в 1936, 1937 годах. Помогли и занятия в школе известного французского теннисиста Анри Коше. Он приезжал к нам в страну для участия в показательных играх и в качестве тренера. В течение двух сезонов в Москве действовала школа Коше, и чемпион мира занимался с большой группой ведущих теннисистов страны, молодежью и тренерами, передавал им свои знания, опыт, мастерство (Семен Белиц-Гейман, Евгений Корбут, Зденек Зигмунд и многие другие известные впоследствии теннисисты прошли эту школу). В этой школе был и я. Занятия с Коше оставили большой след в моей спортивной биографии. Я начинал свой путь в «Локомотиве» – обществе хотя и известном, но, конечно, не столь крупном, как, скажем, «Динамо», ЦСКА, «Спартак». Я сам убедился, как трудно спортсмену скромного общества, даже если он живет и играет в столице и носит титул чемпиона Москвы, быть замеченным, попасть в сборную. Я, например, мальчиком, как и все теннисисты моего общества, не имел возможности играть зимой в залах на закрытых кортах. Весной приходилось догонять ушедших вперед конкурентов из именитых обществ. Мне, первому среди мальчиков,

нелегко было попасть в школу Коше, хотя теннисистов из ведущих обществ зачисляли туда большими группами, без особого разбора. Когда же по настоянию руководителей общества «Локомотив» я все же был принят в школу Коше, знаменитый француз сказал: «Из этого толстяка выйдет толк».

Я учился у знаменитого мастера и многое почерпнул. Именно на занятиях у Коше я понял, что в теннис играют не только руками, что это интересная творческая борьба. Как и в шахматной партии, здесь необходимо переиграть соперника, перехитрить его, обмануть, заставить вести борьбу в невыгодных условиях. Учился и когда Коше выступал в показательных играх, и на тренировках. А если он останавливался рядом и давал совет, старался запомнить все до единого слова. Боялся его ужасно. И когда он подходил ко мне, я всегда шел к сетке, где чувствовал себя особенно уверенно: хотел показать руководителю школы, что у меня получается игра у сетки. Сейчас, конечно, ругаю себя за это: ведь игра с задней линии была у меня слабее и, наверное, советы опытного педагога помогли бы многое исправить!

И надо же было так случиться, что через двадцать с лишним лет я встретил старого чемпиона, одного из знаменитого квартета теннисных «мушкетеров» (так называли известных французских теннисистов Р. Лакоста, Ж. Баротра, А. Коше, Ж. Брюньона) во Франции во время служебной командировки.

В Марсель я приехал с футболистами московского «Торпедо», времени было немного, а осмотреть хотелось все. И солнечная, шумная Канебьер, и порт, один из крупнейших на Средиземном море, и суровый замок Иф, знакомый еще со школьных лет по «Графу Монте-Кристо», – всё это манило с одинаковой силой. Однако привлекательнее всего оказалась афиша, извещавшая о розыгрыше национального первенства Франции по теннису.

Изящный, словно игрушечный, павильон, тринадцать прекрасных земляных площадок и такая знакомая приподнятая атмосфера, неизбежная на больших соревнованиях. Попав сюда в роли простого зрителя, я, устроившись поудобнее, приготовился смотреть. Не помню уже, то ли раздавшийся сзади шепот, то ли что-то другое заставили меня обернуться. Каково же было мое удивление, когда чуть правее, в следующем ряду, я увидел Анри Коше! Я не мог не подойти к своему старому учителю, хотя, конечно, понимал, что он не узнает во мне тринадцатилетнего подростка, которому когда-то преподавал основы тенниса. Я представился как московский радиокomentатор.

Москва! Глаза Коше загорелись. Как же, конечно, он хорошо помнит этот прекрасный гостеприимный город! Он очень рад услышать о теннисистах СССР. Все эти годы он вспоминал свои поездки туда и сейчас, на старости лет, мечтает еще раз побывать в России. Он живо вспоминает своих русских соперников.

Что подельывает Кудрявцев? Потом этот гигант, с такой трудной фамилией... Не... дре... Да, Негребецкий? И этот юноша Озеров?

Стоит ли объяснять, как приятно было услышать, что экс-чемпион мира помнит меня! Я назвал свое имя. Коше долго тряс мне руку и никак не мог освоиться с мыслью, что я – это я. Потом начался бесконечный разговор о нашем теннисе, о Борисе Новикове, тогдашнем чемпионе СССР, о советских городах. К нам подседа чемпионка Франции Бюкай – участница III Международных дружеских спортивных игр молодежи. У нее тоже масса впечатлений о фестивальной, феерически сказочной Москве 1957 года, она жалеет, что смогла пробыть там всего несколько дней, и с нетерпением ждет случая снова выступить перед советскими зрителями.

Коше улыбается: «Я считал, что хорошо знаю ваш город, а вот сейчас послушал Жаннет, и кажется, что он другой. Теперь мне еще сильнее хочется побывать у вас».

Случайно я заглянул в программу турнира и вдруг увидел среди участников фамилию Коше. Вполне серьезно я спросил:

– Это, вероятно, ваш родственник? Коше засмеялся:

– Нет, Коше – это я!

- Но ведь вам уже...
- Пятьдесят шесть лет, – ответил француз.
- И не трудно играть?
- Ничего, ведь я выступаю только в парных.

У меня на языке вертелся вопрос: а зачем ему, уже пожилому спортсмену, трудная турнирная борьба? Видимо, поняв мое недоумение, Коше продолжал:

- Я должен играть для того, чтобы мои ученики играли еще лучше.
- А много у вас учеников?

Бюкай провела пальцем по программе сверху донизу:

– Все они! Вся теннисная Франция учится у Коше. После этого я, конечно, не мог не остаться посмотреть на игру своего старого учителя, пожертвовав и замком Иф, и Канебьер, и прочими достопримечательностями Марселя.

Когда на стадионе было объявлено, что на центральном корте начинается смешанная парная встреча с участием Коше, остальные площадки опустели: все – зрители, свободные участники, судьи и мальчики, подающие мячи, – плотным кольцом окружили главное место «сражения».

Больше двадцати минут ждали судью. Признаться, я уже хотел предложить свои услуги, чтобы прервать эту тягостную паузу, когда, наконец, кто-то взобрался на вышку.

Я снова вижу на корте Анри Коше. Все та же пружинящая походка, будто он подкрадывается к мячу, те же неожиданные для противника удары. Его игра, может быть, потеряла былую резкость, но хитрые тактические комбинации подтверждали, что в теннис играют не руками, а головой, что это творческая игра.

И мне стало понятно, почему не уходит с корта старый «мушкетер». Действительно, трудно представить себе лучшую демонстрацию тактически безукоризненного тенниса, чем игра Коше. С огромным удовольствием я аплодировал его победе.

Хотелось поговорить еще о многом, но, к сожалению, больше не оставалось времени, надо было спешить к началу репортажа. Пожимая мне на прощание руку, Коше все время повторял:

– Нет, нет! Не надо говорить «прощай». Только «до свидания» – мы еще увидимся! Я обязательно постараюсь приехать к вам. Мне так хочется еще раз взглянуть на Москву! До свидания!

Приехав в Москву, я написал статью в «Советский спорт», которую газета озаглавила «Встреча с учителем». В Спорткомитете я выполнил просьбу Коше, рассказал об этой встрече.

А дальше начались у меня неприятности. Я читаю вам небольшой фрагмент из протокола № 10 заседания президиума теннисной секции СССР. Председатель Федерации т. Кулев, в прошлом зам. министра внешних сношений, свое сообщение начал так, цитирую: «Товарищ Озеров, будучи во Франции в качестве футбольного радиокomentатора, встретился на теннисных соревнованиях в Марселе с Анри Коше, французским тренером, посещавшим 20 лет тому назад СССР и проводившим показательные игры в различных городах (Москва, Ленинград, Киев, Саратов). Естественно, что, не видя человека 20 лет, товарищ Озеров должен был бы поинтересоваться, что делал Коше за это истекшее время, учитывая войну и оккупацию Франции. Однако товарищ Озеров сразу завел с Анри Коше дружескую беседу и даже пригласил его от своего имени в Советский Союз. Эту свою дружескую беседу и приглашение Анри Коше Озеров изложил в статье „Встреча с учителем“, в то время как установлено, что во время войны Коше активно сотрудничал с немцами. Теперь, когда во Франции подул ветер перемен, Анри Коше использует, когда ему будет выгодно, статью Озерова. А Озеровым допущена явная политическая беспечность и, во всяком случае, безответственность».

Дальше все выступающие, мои коллеги, клеймили меня позором за политическую близорукость. Я же, расстроенный, пришел на радио и рассказал все, как было, молодому полити-

ческому обозревателю, а ныне – крупнейшему международному политическому обозревателю, профессору, Валентину Сергеевичу Зорину, тогда только начинающему свою политическую карьеру. Успокаивая меня, Зорин сказал: «Если Коше никого не грабил и не убивал, мы еще заставим их всех извиниться». И начал изучать биографию Коше по своим каналам. И когда пришел ответ, что Коше не только ни в чем не виноват, играл только в теннис и не участвовал ни в каких организациях, вот тогда и началось главное сражение с руководством тенниса за полную политическую реабилитацию спортивного комментатора.

Главный редактор газеты «Советский спорт» ответил Кулеву: «Обсудив решение президиума Федерации тенниса, газета „Советский спорт“ считает, что секция поступила легкомысленно, приняв столь необдуманное решение. Известно, что Коше никакой политической роли в годы Виши не играл. На наш взгляд, президиуму было бы целесообразно отменить это неправильное решение и сообщить об этом всем организациям, куда оно было ранее направлено» (а направлено оно было в 90 городов страны, так, на всякий случай, чтобы и по телевидению не выступал, если приедет).

Мартын Иванович Мержанов от редакции «Огонька» написал так: «В статье сказано, что Коше был приглашен в СССР в качестве тренера и что группа молодых теннисистов обучалась новым приемам игры. Это факт бесспорный. Какое же тут выпячивание и преувеличение роли Коше? В статье, которая насчитывает около 300 строк, французскому теннисисту уделено лишь 18. А сейчас нам известно, что Коше является государственным тренером команды теннисистов Франции».

И в довершение, в Федерацию пришло письмо Валентина Зорина, в резком тоне он требовал привлечь к ответственности клеветников и принести извинения Озерову.

Спорткомитет попал в сложное положение, потому что, как говорится, из мухи сделали слона, и вряд ли Федерация тенниса думала, что так обернется дело. Множество инстанций заседало, последним оказался кабинет председателя Спорткомитета СССР.

Нет, политической подоплеки не нашли в моей статье мои руководители на радио и телевидении, и я продолжал работать в эфире.

В кабинете у председателя Спорткомитета Кулев предложил мне обзвонить все 90 городов и локализовать ситуацию на случай неприятностей. Но, к счастью, звонить не надо было. Нашлись светлые головы, которые улыбнулись, усмехнулись и не поверили этой галиматье.

Из теннисной жизни навсегда остались в моей памяти Владимир Николаевич Спиридонов, Евгений Михайлович Ларионов, Борис Ильич Новиков и другие. Был среди них и Анри Коше. И хотя заголовок в статье «Встреча с учителем» написал не я, его придумали в редакции, но я с удовольствием поставил свою подпись под ней, потому что сбылись слова великого Коше: «Из этого толстяка выйдет толк». И он не ошибся.

...Шли годы. Я делал успехи, и в 1939 году, когда мне было 16 лет, выиграв звание абсолютного чемпиона Советского Союза по теннису среди юношей (я выиграл одиночный, парный вместе с Е. Перепелкиным и смешанный с В. Филипповой разряды), был включен в чемпионат Москвы среди мастеров. Финал юношеского первенства прошел в очень тяжелой для меня борьбе. Я играл с тбилисским теннисистом Павликом Подпориным, непрерывно атаковал, рвался вперед, но все неудачно. Павлик обводил меня, мячи шли по прямой, по диагонали. Тбилисец набирал очки. Выиграл первую партию – 6:1 и был впереди во второй. Ценой больших усилий моему тренеру В. Спиридонову удалось уговорить меня изменить тактику и вместо решительных активных действий уйти назад, «держат мяч в игре» и идти на обострение уже наверняка, подготовив как следует мяч. Такой неожиданный ход в игре ошеломил моего соперника. Он был не готов к этому. Матч выровнялся, я выиграл вторую партию и легко добился победы в решающем сете.

И вот чемпион Советского Союза среди юношей в одном из первых матчей первенства Москвы среди взрослых встретился с мастером спорта, ведущим игроком московского «Спар-

така» Юрием Блюхом, великолепно играющим с задней линии. У него были точные удары с обеих рук, манера игры напоминала стиль Бориса Новикова. Это был сильный соперник. Я был огорчен, что «попал» на Блюха, и не хотел участвовать в первенстве Москвы, тем более что в это же время на стадионе играли мои любимцы – футболисты московского «Локомотива», и мне не хотелось пропускать матч с их участием, к тому же я не сомневался в своем поражении. Выиграть у Блюха я не смогу.

Ларионов и Спиридонов думали иначе. Они считали, что игра Блюха, большого мастера точных ударов с задней линии, удобна для меня. Я играл с Блюхом очень смело. Терять было нечего: как-никак соперник грозный, проиграть ему не стыдно! Я шел вперед, к сетке. Мои удары справа удавались. Я применял подрезки, подкручивал мяч, укорачивал, даже применял «загорянскую», резаную подачу снизу. В этот день все проходило. Я выиграл, к своему удивлению, у Блюха три партии, и очень легко. Дальше – победы над Белиц-Гейманом, Синючковым – одним из лучших в стране.

И, наконец, финал. Я играю с самим Новиковым. 16-летний ребячий чемпион против лучшей ракетки страны.

Борис Ильич Новиков – это целая эпоха в советском теннисе. Настоящий спортсмен, с большой буквы. В 30-е годы наиболее характерной для наших теннисистов была игра с задней линии. И самым ярким ее представителем был многократный чемпион Советского Союза, заслуженный мастер спорта Борис Ильич Новиков. Его заслуги перед советским теннисом огромны. Он доказал, что, играя на задней линии, можно вести агрессивную наступательную игру. Его точные удары с обеих рук сеяли панику в рядах соперников, мчавшихся к сетке вперед. Он прекрасно обводил их, а его точные кроссы, замечательный удар слева по линии, что греха таить, отбивали охоту атаковать. Новиков обладал замечательным качеством – огромной спортивной выдержкой. Он всегда умел бороться за каждый мяч, за каждое очко. Выдержка и упрямство Новикова заслуживают восхищения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.